

Михаил Соколовский

ДОМ МОЛИТВЫ

Повесть

По коридору плечом к плечу шли двое: длинный и круглый. Непроницаемые лица, печатные шаги, вальяжно болтающиеся при ходьбе руки. Они шли и не глядели по сторонам. Им были привычны эти стены, здесь они были если не хозяевами, то людьми своими, важными, незаменимыми. Коридоры не давили на них и не пугали. Учреждение, на которое имели честь трудиться Панаев и Скабичевский в этом году, не было страшным, официальным и государственным. Скорее, эти стены принадлежали какой-то студии, PR-агентству, теле-кино-интернет-редакции. То есть, жутко серьёзные коридоры очень несерьёзного по сути места.

— Напомни, почему мы его взяли? — чуть вбок подняв голову на длинного друга, спросил кругленький Скабичевский.

— Только он один из всех смог без запинки произнести «баскские сепаратисты», — даже не думая улыбнуться, ответил длинный и подтянутый, вечно недобрый Панаев. Скабичевский то ли нахмурился, то ли усмехнулся, но ответить не успел: Панаев взялся за ручку двери кабинета и хозяйским жестом открыл. Оттуда на них взглянули два больших бездонных голубых (пустых или глубоких?) глаза сидящего за столом человека. Панаев и Скабичевский вошли и закрыли за собой дверь.

Через минуту Юра Филиппов уже заметно нервничал. И взгляд его был уже не таким светлым. Юра смущался, потел, тяжело дышал, глаза его бегали. Панаев и Скабичевский сидели напротив, и, застыв позами, длинный — развалившись, круглый — локтями на стол, внимательно и придиричиво разглядывали Юру, что его и смущало. Он был высок, красив, чисто выбрит, аккуратно пострижен, открыт глазами и душой и говорил приятным, сильным, но не самоуверенным голосом:

— Я сборщик мебели. Работаю в «ИКЕЕ». Но вообще-то я философский закончил. И не марксистско-ленинскую изучал, а нормальную... Мне 27 всего... Актёром всегда мечтал стать, но... не получилось... Поэтому я иногда в массовке подрабатываю... Но это, конечно, совсем другое.

Первым отмер кругленький Скабичевский, а длинный Панаев только одарил его взглядом в затылок, почти таким же, каким смотрел до этого на Филиппова.

— Наш проект не имеет ничего общего с актёрством. Это такой своеобразный перформанс, и его надо как следует прожить. Иначе всё это не имеет смысла.

— Я понимаю, я готов. Мне это очень интересно!

Неожиданно заговорил и Панаев:

— Скажите, Юра, а в политических массовках вы тоже принимали участие?

— Нет! Нет! — Юра даже испугался. — У меня твёрдые убеждения!

— Да? И какие же?

— Не торговать своими убеждениями!

Панаев и Скабичевский переглянулись с тоской.

— Это пройдёт, — протянул Скабичевский. Всё же он был лет на десять-пятнадцать старше собравшихся.

— Итак, Юра, вам даётся два дня на то, чтобы уволиться с работы. Вы теперь полностью погружаетесь в наш проект. Наша цель, я надеюсь, вам ясна?

— Конечно! Это очень правильно! Я совершенно с вами согласен! — Юра вдруг воодушевился, найдя аргумент: — Я же вырос на песнях Бориса Гребенщикова!

Панаев и Скабичевский переглянулись с ещё большей тоской. Юра потух.

В пустом зале ночного клуба, где днём, конечно, никого нет, на маленькой сцене стоял Юра в потёртых джинсах и свитере грубой вязки. Он смотрел на зеркальный шар, — покачивающийся от сквозняка, но мёртвый, — и с пафосом говорил:

— Здесь надо молиться, а не торговать! Превратили храм чёрт знает во что!

Скабичевский, разлив ком своего тела по всей поверхности кожаного кресла, свесив ножки с подлокотника, тёр усталые глаза, на сцену с Филипповым не смотрел.

— Нет-нет-нет, ну нет... Юра... Во-первых, без «чёрта...» А во-вторых... Ну, представь, ты на кладбище пришёл... к маме...

— Мама жива...

— Ну, хорошо, к бабушке... Или она тоже?..

— Бабушка в прошлом году умерла. Она от рака лечилась... Семь лет боролась. А тут в магазин пошла, её маршрутка...

— Очень хорошо, — нетерпеливо махнул рукой Скабичевский. — Вот пришёл ты к бабушке на кладбище... А там — мороженым торгуют. Прямо на могилке. Из оградки прилавки сделали и торгуют. Очередь из детишек. Все гомонят, весёлые такие. Ты бы что сделал?

— П-прогнал бы...

Скабичевский потянулся, нехотя встал, подошёл к Юре.

— Ну, прогоняй...

— Кого?

— Меня.

Скабичевский неожиданно легко запрыгнул на сцену, подошёл вплотную к Юре. Юра смутился, попятился.

— Па-а-адхади, разбирай! — заорал Скабичевский. — Холо-о-одненькое! Вку-у-усненькое! Мороженое от бабули!

Юра слегка толкнул Скабичевского. Тот мгновенно отреагировал:

— Гражданин, гражданин, не толкайтесь. Всем достанется! Становитесь, вон, в очередь!

Юра толкнул Скабичевского сильнее.

— Ты молча их прогонять будешь?

Юра сглотнул, сделал глубокий вздох и выдохнул:

— Это моя бабушка...

— Где? — стал дразнить его Скабичевский.

— Вон там, — Юра показал за спину Скабичевского.

Скабичевский обернулся:

— Ах, эта! Филиппова Евстратия Купидоновна?

И тут Скабичевскому прилетело кулаком слева. Шариком отлетел он в угол сцены, а когда, тряхнув головой, Скабичевский немного оправился, над ним навис Юра, который вдруг сделался грозен, и в его бездонных голубых глазах блеснула ярость. Юра заговорил чётко и внушительно.

— Бабушка была Акимова. По маминой линии. Звали её Анна Ивановна. А ты — забрал свою тележку и по-тихому свалил. Здесь люди родственников навещают, а не мороженки жрут. Понял?

— Ну, ни хера себе! — с восхищением сказал Скабичевский. И ему тут же прилетело снова. Теперь уже с правой стороны, с левой руки Филиппова.

— Не матерись на кладбище!!!

— Ой, ёб... — Скабичевский спохватился, зажал рот рукой, жалобно посмотрел на Юру. — Б-больно...

Филиппов вдруг снова стал робким:

— Прости... те... Я не хотел... увлётся...

Скабичевский пыгливо посмотрел на Юру и вдруг стал хныкать:

— Но калечить-то зачем?

От двери раздались аплодисменты. Неизвестно, сколько времени вальяжный Панаев стоял и наблюдал за этой сценой. Роскошный костюм небесно-голубого цвета смотрелся на Панаеве совсем не пошло, и в сочетании с его вечной трёхдневной щетиной странным образом только подчёркивал его брутальность.

— Ну, теперь я спокоен. Всё пройдёт, как надо. Вставай, Ваня.

Юра подал руку Скабичевскому, помог ему подняться. Скабичевский ворчал.

— Спокоен он! Калечить-то зачем? Лёд здесь есть?

Панаев, нежно и утешительно придерживая Скабичевского за плечи, уводил его прочь, и говорил, забалтывал боль своего друга.

— В баре возьмём. Только быстрее, поехали! Звонили уже.

— Куда я поеду? С таким лицом? Сейчас опухнет!

— Простите, пожалуйста, — тихо сказал Юра, но его никто не услышал.

— Никто не заметит, ничего.

— Гад!

— Кто? Я или он?

— Оба! Я побои сниму!

— Ага, только после эфира.

— Я заявление напишу!

— Не кипятись. Другие напишут.

— Зараза... Философ, блин... бьёт, как боксёр...

— Он сборщик мебели.

Скабичевский вышел, Панаев задержался в дверях, обернулся:

— Кстати, сборщик! Как уволишься — вещи собирай.

— Куда?

— Поедешь сдержанности поучиться. Это теперь актуальней. Да и в образ войдёшь.

— Куда? — более настойчиво спросил Юра.

Панаев посмотрел на Филиппова долгим внимательным взглядом. Тот стоял в центре сцены, держа руки в карманах. Но плечи его уже были расправлены, а в глазах наметилось даже какое-то лукавство. Панаев слегка улыбнулся:

— На Байкал. Отдохнёшь недельку, рыбку половишь. В хорошей компании. Ладь?

Филиппов кивнул.

— Ну, вот и чудно.

Панаев вышел. Филиппов вдруг ни с того ни с сего перекувырнулся через голову, сел на сцене, а потом бухнулся спиной назад и замер, раскинув руки. Над его головой покачивался зеркальный шар.

В кабинете менеджера, некрупного начальника магазина «ИКЕА», Филиппов стоял с видом провинившегося школьника. Менеджером была женщина, следящая за собой, красивая, строго одетая. Self-made-woman. На бейджике лаконично значилось: «Мария».

— И куда? — едва подняв бровь, спросила она.

— Тут главное, не куда, а откуда.

— Юр, я неплохо тебя знаю. Что-то придумал опять, да?

— Не я придумал. Просто попал в ситуацию.

— Нужна помощь?

— Да. Подпиши.

— Почему такая таинственность?

Филиппов вздохнул слегка раздражённо.

— Маш, кажется, ты нарушаешь наш уговор. Зачем ты требуешь?..

— Чушь. Ничего я не требую. Мне просто интересно.

Юра помотал головой: не расскажет. И ещё руками развёл: не может рассказать. Мария сменила тактику. Она встала, подошла вплотную к Юре, положила руки ему на плечи, заглянула в глаза с мольбой.

— Слушай, Филиппов, не уходи, а? Мужиков не хватает, а у нас ремерчандайзинг на носу.

— Не могу, правда. Я уезжаю скоро, а потом...

Филиппов замолчал. Мария попыталась заглянуть в глаза Юре, но он их отвёл.

— Господи, да что ж у тебя случилось-то?

— Приходи сегодня... Придёшь?

— Прощаться будем?

Юра пожал плечами. Потом вдруг посмотрел на Марию задумчиво:

— Я тебе всё расскажу, — и вышел.

И уже оставшись в кабинете одна, Мария подписала заявление Филиппова.

В небольшой студии, оформленной скромненько фотообоями, за трёхсторонним столом Скабичевский, приложив к лицу два пакета со льдом, что смешно выпячивало ему щёки, ждал начала эфира. Сидящего рядом с ним Панаева гримировали. Напротив сидел средних лет священник с тонкими усиками, большой бородой и в очках и разглядывал оппонентов без какого-либо выражения на лице. Во взгляде поймать что-либо было трудно, так как они скрывались за толстыми линзами очков, что сильно уменьшало и без того маленькие глазки священника. В студию быстрым шагом вошла длинно-длинно-длинноногая девочка-блондинка-ведущая, и, увидев выставленные между пакетами щёчки Скабичевского, захихикала.

— Что? — огрызнулся Скабичевский.

— Тихо-тихо, — положил свою руку на руку друга Панаев.

— Прекрасно выглядите, Александр!

— Спасибо.

Девочка снова захихикала, теперь уже от смущения, и поудобней уложила грудь в расстёгнутой блузке. Губы священника слегка тронула тонкая и мудрая улыбка. Панаев поймал её, так же слегка улыбнулся, а потом вдруг развязно подмигнул. Священник вздрогнул, сделался серьёзен и даже как будто немного чего-то испугался. Ведущая перебирала на столе какие-то бумажки, украдкой поглядывая на Панаева.

— Готово. Давайте теперь вы, — гримёрша перешла от Панаева к Скабичевскому. Скабичевский отнял пакеты от лица, повернулся к Панаеву:

— Ну, как?

Панаев только закрыл глаза ладонью и произнёс:

— Ой...

— Мажьте! — скомандовал Скабичевский гримёрше и процедил сквозь зубы Панаеву: — Ну-ка напомни, за что мы его взяли?

А в это время бывший сборщик мебели лежал в постели со своей бывшей начальницей. Опущенные шторы, неверный свет экрана и тихое бормотание телевизора создавало ощущение лёгкой, неумышленной романтики. Маша и Юра лежали голова к голове, одеяло закрывало их по пояс, и были они почему-то внешне очень похожи. И это несмотря на волосатую, неплохо развитую грудь Филиппова, и на гладкую, развитую ещё лучше грудь Марии.

— Всё это детские игры, — заговорила Мария. — Но они плохо кончатся.

— Им нужен шум, — лениво ответил Юра. — Мне, впрочем, тоже.

— Юр... ну, ты уже взрослый мальчик, неужели, ты всё ещё считаешь...

Филиппов вскочил с постели, забегал по комнате.

— Да причём тут взрослый-не взрослый! Если я чувствую, что могу! Могу что-то сказать миру! Людям! Почему я не должен к этому стремиться? Почему я должен думать только о том, как прокормить... себя и маму! Ненавидеть свою работу и бегать по массовкам, которые я тоже ненавижу!

Мария приподнялась на локтях, откровенно любуясь обнажённым любовником. И когда он перестал бегать, остановился, повернулся к ней и заговорил жарко, ей стало ещё удобнее любоваться.

— Пойми ты, Машенька! В кои-то веки мне выпадает главная роль! И упускать её глупо! Куда ты смотришь?

— Вот и я не хочу ничего упускать... Мне уже сорок, Юра. А ты...

— Маша, мы договаривались... Если тебе тяжело, — уходи сейчас.

Юра взял со стула трусы, натянул. Мария поняла, что перегнула палку, легла на подушку, и, глядя в потолок, произнесла:

— Ты меня не так понял. Мне сорок, мне надо думать о собственном здоровье. Залог здоровья — регулярность. А сейчас — ты уезжаешь, а потом — потом вообще неизвестно что будет...

Мария вдруг услышала, что телевизор стал работать громче. Она приподнялась. На экране в студии с трёхсторонним столом сидели хихикающая девушка-ведущая, священник, Панаев и Скабичевский. Юра смотрел в экран, сидя на постели спиной к Марии.

— И последний наш гость, по очереди, но не по значению, — ведущая смущённо похихикала, — протоиерей Вячеслав Никулин. И тема нашей встречи предельно проста. Речь идёт о споре хозяйствующих субъектов об объекте... — девушка запну-

лась и захихикала, с ней вместе усмехнулся Панаев, а протоиерей Никулин внимательно, мудро и спокойно на неё посмотрел. Ведущая взяла себя в руки, расслабилась и продолжила:

— Короче, в Екатеринбурге есть музей. Существует уже сорок лет. До революции там был храм. Русская православная церковь хочет вернуть его назад, а музейщики говорят, что делать этого ни в коем случае нельзя. И вот сегодня мы попытаемся услышать мнения с разных сторон... И начнёт... отец Вячеслав, наверное, начнём с вас.

— Благодарю, — тихим смиренным голосом зашелестел Никулин. — Во-первых, объясните мне, пожалуйста, почему на нашу встречу не пришёл сам господин Ибрагимов? А прислал вместо себя вас?

— Вы что-то имеете против? — спросил Скабичевский.

— Нет, просто, ясно же, вы люди нанятые.

— Ну, да. А Аарон Васильевич — человек непубличный.

— Да я, в общем, тоже.

— Не скромничайте, Вячеслав Андреевич. У вас есть опыт. Вы и проповеди читаете, и лекции.

— Его кто-то бил? — вдруг спросила Мария. — Синяки на лице плохо загримировали.

— Это я его, — ответил Юра. — На репетиции.

— Хорошо, пусть. Я должен вести диалог с вами, значит, с вами, — смирился протоиерей. — Хотя, конечно, лучше говорить с главарём.

— Ну! — усмехнулся Панаев. — С главарём и на предвыборных дебатах многие хотели бы... Извините, — Панаев сделал вид, что осёкся, смутился. Девочка-ведущая захихикала.

Священник сделал жест, будто отмахивается от назойливых мух.

— Я хочу сказать только об одном: иконам место в храме. И здание храма должно оставаться храмом. И давно уже пора перелистнуть страшные страницы нашей истории, когда в храмах большевики устраивали овощные склады.

— Порой это был единственный способ их сохранить, — пожал плечами Скабичевский.

— Сохранить для чего? — голос священника стал ещё тише, и стало ясно, что он взволнован. — Для церкви! Для веры!

— Это здание семнадцатого века, — Панаев взял в руки бумагу, — и фрески там тоже семнадцатого века. Ими занимаются реставраторы, историки, художники, специалисты.

— У нас тоже всё это есть.

— Да, но ещё верующие будут их лобызать с молитвой, а перед ними свечки жечь! Что губительно для предметов искусства!

— Это предмет веры! Храм должен оставаться храмом! Это дом молитвы!

Панаев и Скабичевский удовлетворённо переглянулись. Скабичевский едва кивнул, Панаев расправил плечи и достал Библию, открыл на закладке.

— Предоставим говорить самому Иисусу, сыну Иосифа.

Все посмотрели на Никулина. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Панаев начал читать:

— «...Где хотя бы двое или трое соберутся ради меня, там и я буду среди них».

Верно?

— У вас не тот перевод.

— Но по сути верно?

— Верно. Христос посреди нас. И храм освещён священником как раз во имя Его!

— Но не только там можно эффективно молиться.

Ведущая давно уже ничего не вела, она просто то громче, то тише хихикала.

— Ваш патрон просто боится потерять деньги, которые он вложил в картинную галерею.

— А ваш чего боится потерять? Иконы?

— А! Так вы иконоборец!

— Я просто отрабатываю деньги. Впрочем, как и вы.

— Вы можете говорить только на языке денег. Вопросы веры вам непонятны. Я отстаиваю храм, посвящённый Богу!

— Вы хотите имущество, принадлежащее одному человеку, просто так передать во владение другому.

— Это какому? — прищурился Никулин.

— Ну, или группе людей, — чуть отступил Панаев. — Верующим. Которых, кстати, у нас в стране не большинство.

— А скажите, — вдруг воткнулся в разговор Скабичевский, — Если во имя его собрались люди, то он всегда среди них, так?

— Безусловно.

— А во времена инквизиции, он тоже был среди них?

За линзами протоиерея сверкнуло, и он ответил сквозь зубы:

— Я не отвечаю за католиков.

— Хорошо, ответьте за погромы на Руси, которые совершались против тех, кто по их мнению Христа распял? Он тоже был среди них? Мстил? Тяжело же ему придётся на страшном суде. Ему же ещё за католиков отвечать!

Наступила пауза, в которую было слышно только одно: как подхихикивала ведущая. Остановиться она, судя по всему, уже не могла: это была истерика. Протоиерей Никулин смотрел поверх очков.

— Скажите, — наконец, заговорил он, — а вы еврей?

Ведущая заткнулась, даже испуганно закрыла рот ладошкой. Скабичевский смотрел на священника с тихим презрением. А священник на Скабичевского почему-то — с превосходством. Не отводя взгляда, Скабичевский ответил спокойно:

— Да. А вы — гей?

И тут священник возмутился, закашлялся, вскочил, побагровел, тяжело задышал, ведущая кинулась к нему подавать воды, расстёгивать воротничок рясы. Скабичевский довольно откинулся на спинку стула и произнёс:

— «С первого щелка подпрыгнул поп до потолка»...

— Реклама! Реклама! — завершала ведущая.

— Да ты что? — довольно сказал Панаев. — Сейчас самые рейтинги полезут.

Никулин брезгливо отшвырнул руки ведущей от своего воротничка, опёрся о стол, навис, заклокотал что-то невразумительное:

— Да вы! Да как вы?.. Богохуль... ники... Ничего... святого!.. — и вдруг сдавленно квакнул: — Жи... ды... я вашу породу... мало вас...

— «Со второго щелка лишился поп языка», — сказал Панаеву Скабичевский.

Панаев и Скабичевский наслаждались эффектом. Протоиерей схватил воду, которую настойчиво совала ему ведущая, стал пить.

— Что-что, а дело своё они знают, — заметила Мария.

— Зря я его бил, — отозвался Филиппов.

Махнув стакан воды, протоиерей Никулин взял себя в руки, выпрямился во весь рост и начал метать молнии.

— Мы вас накажем! Мы подадим на вас в суд! Вы ответите за богохульство!

— Нет такого закона, Вячеслав Андреевич, — уронил Панаев, брезгливо глядя на взбешённого священника.

— Будет! И уже очень скоро! А пока! Подадим по поводу храма! На вашего Ибрагимова! Ничего святого... хулители...

— А у вас, Вячеслав Андреевич? У вас есть хоть что-то святое? — поинтересовался Скабичевский.

— Да! Святая мать наша церковь и Господь наш Иисус Христос!

— Проверим...

Но гневный протоиерей не услышал последней реплики Панаева, вышел, не прощавшись. Ведущая стояла растерянная, широко открытыми кукольными глазами она глядела на Панаева и Скабичевского, которые устало откинулись на спинки своих стульев. Панаев показал ей указательный палец, и она снова прыснула.

Филиппов выключил телевизор и, смеясь, лёг спиной на кровать.

— Молодцы, ребята! Так им и надо!

— Боюсь я за тебя, Юра... — вдруг сказала Мария.

— Да ты что? Всё продумано. Всё будет нормально.

— Но ведь у них, и правда, нет ничего святого.

— Я и сам за себя постоять могу... Иди ко мне.

Юра притянул Марию к себе и начал целовать.

В просторной, но не громадной комнате, устроенной уютно, но без всякого пафоса: с камином, но электрическим; с полумраком, но созданным простым реостатом на выключателе; с огромным окном, но без вида на Кремль и набережные, а с видом простым, на сталинский спальный район типа Ленинского проспекта, — сидели усталые Панаев и Скабичевский и тянули коньяк из пузатых бокалов. По ковру кругами бегал маленький лысеющий брюнет с быстрыми движениями и ходящим ходуном брюшком. Это и был могущественный галерист Аарон Васильевич Ибрагимов, сын властного татарина-отца и не менее властной еврейской мамы.

— Здорово вы их... разозлили... Только я боюсь, как бы не было погромов.

— Всё, что не некролог, — то реклама. Даже погром, — вяло произнёс Скабичевский.

— Но люди!..

— До этого не дойдёт. Всё-таки двадцать первый век на дворе, — выцедил Панаев.

Ибрагимов остановился, налил себе треть стакана водки у каминной полки и тоном тоста изрёк:

— Век всегда один. Каменный.

Скабичевский и Панаев переглянулись, вяло отметив, что друг оценил высказывание нанимателя, и снова уткнулись в свои бокалы. Ибрагимов залпом выпил, не выдохнув, добежал до стола, стал рыться в вазе с фруктами, в которой была кисть вялого винограда и пару почернелых бананов. Панаев свистнул Ибрагимову, тот обернулся, и Панаев швырнул ему апельсин, который до этого крутил в руке. Ибрагимов поймал и откусил от него, нечищеного, кусок, как от яблока. Сок брызнул в стороны, потёк по аккуратно постриженной бороде Ибрагимова. Он достал платок, вытерся. Откусанный апельсин бросил в корзину для бумаг под столом и, наконец, заговорил.

— Страшно мне почему-то. У них миллион, который стоит поклониться средневековой тряпке, которую выдают за «пояс Богородицы». У них — организованное молитвенное стояние по всей стране, похожее на партсобрание, а не на молитву! И всё это потому, что их суды закрывают на годы хулиганок, спевших в Храме Христа Спасителя... А то, что задумали вы, — ещё большая провокация.

— То, что задумали мы — это точка. Последний гвоздь в гроб мракобесию и суеверию.

— Это слишком самонадеянно, юноша.

— Это тренд.

— Тенденция, — устало перевёл Скабичевский.

— А что у тебя с лицом? — всмотрелся Ибрагимов.

Скабичевский махнул рукой.

— Это носится в воздухе, — Панаев подался вперёд. — Вспомни, мы же всё это придумали до того, как этот «Пёздобунт» помолился в Ха-Ха-эС. Только убеждали тебя долго.

Ибрагимов поморщился:

— А без мата никак?

Панаев включил энтузиазм, встал, продолжил:

— В школах вводят закон божий, в Думе принимают закон против богохульства! Скоро у нас костры запылают, экстрасенсов жечь начнут! И ты не хочешь с этим побороться в самом начале?

— Моё дело картины...

— Так заодно и галерею сбережёшь! После того, что они сотворят с нашим Юрочкой... А они не могут не сотворить! Ну, подумай сам!

Ибрагимов прилежно начал думать. И после паузы сказал:

— Ладно. Вы опять меня убедили.

Скабичевский кивнул и встал:

— Сеанс психотерапии окончен?

— Я звал вас не только за этим.

Ибрагимов посмотрел на Скабичевского с неожиданной злостью. Тот сел.

— Я хочу, чтобы всё состоялось завтра.

— Арон, нет смысла, — начал было возражать Панаев. — Надо, чтобы они его по полной!

— Нет. Не надо. Давайте хоть немного подумаем о человеке. О вашем этом... Филиппове. Мы должны всё проверить, пока никакого закона нет.

— Как будто раньше им это мешало, — Скабичевский пожал плечами.

— Пусть это будет на их совести. А не на нашей.

— Арон, — внушительно зашептал в ухо Ибрагимову Панаев. — Подумай о себе, об эффекте. Ведь чем больше на его голову свалится, тем нам лучше. Пусть он выглядит мучеником!

— И мучить его должен я? Нет. Я не хочу быть таким, как они. Довольно того, что мы с ним сделаем.

— Значит, завтра, Арон?

— Завтра. Проверьте только, никаких церковных праздников там у них нет? Лишних провокаций нам не надо...

Скабичевский и Панаев усмехнулись и вышли. Ибрагимов снова налил себе водки и снова выпил. А выпив, побежал к столу, стал шарить в вазе с фруктами, где ничего нового не появилось, нырнул под стол, достал из корзины для бумаг надкусанный апельсин и впился в него зубами.

Тихо улыбаясь самому себе, Юра шёл по вокзалу со спортивной сумкой наперевес. Он не глядел под ноги, не глядел на бомжей и бродячих собак, он чувствовал себя свободным и ему это чувство нравилось. Юра подошёл к поезду «Москва — Иркутск», протянул проводнице билет, что-то такое сказал, от чего усталая тумбовидная женщина улыбнулась, и вошёл в вагон.

Юра открыл дверь купе, и на него взглянули три пары глаз мужиков внушительных размеров. Мужики были не раскачаны, а банально толсты. Но и сила в них чувствовалась. Походили они на русских богатырей, а не на западные их аналоги — терминаторов с ярко выраженными талиями. Всем им было около пятидесяти, все были гладко выбриты, у двоих на головах был коротенький ёжик, у третьего — лысина.

— Здравствуйте. Саша Панаев сказал, что...

Лысый со стуком поставил на стол стакан, второй — налил из бутылки до половины.

— Добро пожаловать, — сказал третий, и все трое уставились на Юру.

Юра закрыл дверь в купе, оказавшись уже внутри.

— Вот так сразу?

— Нам трое суток ехать. Надо знакомиться. Пей.

Юра пожал плечами, шумно выдохнул и залпом выпил. Но, ещё не допив, вдруг закашлялся, стал плевать, давиться... Мужики усмехнулись.

— Всегда работает, — сказал своим лысый.

— Что это? — отхрипев, спросил Юра, поднёс стакан, принялся. — Это что? Вода?

— А ты думал, — спирт? Нет, дорогой. Мы противники стереотипов.

— Да к тому же, у двоих из нас — язва, а третий — зашит.

— Зашит как раз я, — лысый протянул руку. — Петя.

— Юра, — пожал руку Филиппов.

— Ваня.

— Андрюша.

Филиппов пожал и другие две руки.

— Располагайся, — сказал лысый Петя. — И расслабься. Мы едем просто на рыбалку.

— Если честно, я не очень понял, зачем это нужно. Панаев сказал, в образ войти...

— Про образы мы ничего не знаем. Саня попросил принять тебя в компанию. А мы — как раз на рыбалку собрались.

— Воздухом подышишь, на берегу посидишь, поплаваешь, попаришься. Плохо, что ли?

— Ну, заодно, за жизнь поговорим, — Петя вздохнул. — Я же по племяшу сужу: вы же, молодые, без царя в голове. У вас же один... креатив... на уме. А смысл? Смысл-то в чём?

— В чём?

— В том, чтобы его искать.

Юра усмехнулся.

— Многие пытались, но так и не нашли. Знаете, когда я учился на философском...

— Не найти, — внушительно поднял палец Петя, — а искать.

— Но если не надеяться его найти, зачем же искать?

— Найти невозможно. А искать надо. Эх, жаль я зашит. А то разговор такой пошёл...

— Не торопись, Петя, — сказал Андрюша. — Чего набросился на мальчика? Успеем ещё.

— Так я же вижу... Они же всё формы ищут, формы! Это же ещё с Чехова началось! А содержание-то где? А содержания-то и нет. Мне племяш рассказал... Понастроили храмов, а они — пустые...

— Вы точно не пили? — спросил Юра.

— Он по памяти пьянеет. Как в кино этот... Чикатило, помнишь?..

— Чиголотти, — поправил Ивана Андрей.

Лысый Петя махнул на них рукой и продолжил:

— Я вот человек неверующий... Ну, привык так. Но я если б и захотел, не пошёл бы. В глаза бы попам посмотрел, на жопы их отожратые, — и не пошёл бы!

— На свою посмотри, — вяло отреагировал Андрюша и перекрестился.

— Потому как, что такое вера? Вера — это страх загробной жизни... Не в Бога мы веруем, а на то, что не умрём, надеемся... Так значит, я, когда в церкви поклонюсь, я что, собственному страху кланяюсь? Мне это не подходит. Я не желаю!

— Ну, тихо-тихо...

— Вот ты. Ты в Бога веруешь?

— Я об этом как-то не задумывался.

— Конечно, молодой, красивый... Девки любят, небось. Чего тебе?

— Да нет, просто я в такого не верую, в официального... А взгляд затылком и я, бывает, чувствую.

— Это, может, ещё не Бог. Это так... свои работают... — сказал Ваня и подмигнул. А мужики рассмеялись: видать, знали, о чём речь, а Юра не понял, но почему-то решил не спрашивать, чему смеются мужики.

В окне промелькнула голова Марии. Она куда-то бежала, что-то высматривала. Юра дёрнулся, Петя прищурился:

— Твоя?

Юра пожал плечами, потом расхотел врать, вздохнул:

— Моя.

— Больно взрослая, — оценил Ваня, опустив окно.

— Но хороша, — откликнулся Андрей.

— Ты от неё прячешься? — спросил Петя.

— Да нет, просто...

— Тогда позовём.

И прежде, чем Филиппов успел возразить, Иван и Андрей, торчащие из окна, окликнули Марию:

— Девушка!

— Он тут!

— У нас!

Мария развернулась и подбежала к окну:

— Юра! — убедилась, что он тут, и побежала к дверям вагона.

— Ну, зачем вы? — Филиппов был смущён и удручён. Рыбаки рассматривали его с интересом. Они успели сесть все втроём на одну полку, а на полке напротив оставили только Юру. Вбежала Мария и села рядом с ним.

— Юра! Куда же ты пропал? Оставил меня одну, телефон отключил! Ты что, сбежать от меня решил?

— Нет, просто... Так лучше...

— Лучше всегда объяснить, что происходит. А тут... едешь в какую-то даль, связался непонятно с кем. Это кто такие? Что за три толстяка?

«Три толстяка» переглянулись и усмехнулись. Юра побагровел и тут же попытался оправдать свой новый цвет лица гневом:

— Маша! Мы с тобой договаривались! Ты мне не жена и даже не моя девушка, чтобы предъявлять какие-то претензии!

— Так не бывает, Юра. Пусть даже мы о чём-то таком когда-то договорились, но я за тебя волнуюсь. И тут уж ничего не поделаешь! Я хочу знать, куда и зачем ты едешь.

— А вот фиг.

— Ну, ясно. Ты и сам не знаешь.

Мария повернулась к толстякам.

— Куда он едет?

— На рыбалку, — сказал Петя.

— Зачем? Какую? Кто послал?

— Американская разведка, — сказал Петя и «три толстяка» заржали.

— Так. Вы с ними заодно?

— С кем? — спросил Андрей.

— Ну, с этими двумя? Телемордами?

Мужики снова заржали.

— Господи, — поняла Маша, — да что же им надо-то, а?

— Маш, иди домой, а? Ну, правда, тебя это всё не касается.

— Нет, касается. Ты находишься под обаянием хер знает кого, и сам не понимаешь, что всё это ведёт тебя... не туда!

— Это моё дело, — Юра поморщился от «хера». Ну, не любил Филиппов мата. — И ты никак не можешь мне помешать.

— Помешать, — нет. Но быть рядом, и — вмешаться...

Мария резко встала, достала из сумочки кошелек, сумку сунула в руку лысому Пете, приказала:

— Посторожи. Я сейчас вернусь. Куплю билет и поеду с вами!

— Куда?

— На рыбалку.

— Маша, подожди! Ты не можешь! Мне надо побыть одному! Такой план!

— Юра, мы договаривались. Между нами только секс и ничего больше. А значит, запретить мне поехать ты не можешь.

Мария ушла. Юра понял, что догонять и что-то втолковывать — бесполезно. Поэтому просто отвернулся к окну.

— Секс, и ничего больше, — протянул Петя. — Ты у ней — вместо вибратора, что ли?

Юра гневно сверкнул глазами на Петю, потом вскочил, дёрнулся бить, но Петя сделал едва заметное движение рукой и ногой (сидящие по бокам Пети Ваня и Андрюша даже не шелохнулись), и Юра грохнулся на пол купе аккуратно между двумя полками, не задев головой столика. Петя глядел на него ласково. А Юра удивлённо хлопал глазами.

— Хороший парень, — сказал Петя. Ваня и Андрюша покивали.

— Я гляжу, вы уже подружились.

Все обернулись на голос, Юре для этого пришлось сесть на полу и развернуться. В открытом для Марии окне стоял Панаев.

— Саша? Ты чего здесь?..

— Здорово, дядя Петь, — Панаев протянул руку Пете. Тот пожал, кивнул. Панаев снова обратился к Филиппову:

— Это ты чего? Чего телефон отключил?

— Ты же сам сказал...

— Я сказал, ни с кем не общаться, по социальным сетям не лазить, но телефон-то зачем? У меня запись на первом через час, а я за тобой на вокзал...

— Уважаемые пассажиры! — вдруг крикнуло радио. — Поезд номер пятнадцать-сорок три «Москва — Иркутск» отправляется через десять минут. Провожаящим просьба выйти из вагонов.

— Короче, Юр, давай собирайся. Планы изменились...

— Чего такое?

— Всё надо сделать сегодня.

— Как сегодня? Ты что? Я не готов!

— Подготовишься по дороге.

— Когда? У тебя же запись!

— Так даже лучше. Запись — это алиби. Нас с Ваней там быть не должно. А чего ты на полу? Ты что? Пил? Дядя Петя, вы что, ему уже наливали?

— Да не пьём мы, Саня!

— Вот и хорошо. Пойдём, дорогой, пойдём!

— Ну, хорошо.

Юра встал, поднял свою сумку.

— Чего записываешь сегодня, племяш? — спросил лысый Петя. — Еду готовишь, или так хохмишь?

— Да я и не помню. Там скажут.

— Ну, совсем без царя...

— Готов? — спросил Панаев у Юры и когда тот кивнул, скомандовал: — Пошли!

Панаев и Филиппов шли параллельно: один по перрону, второй внутри вагона к выходу, при этом они умудрялись идти в ногу и с одинаковыми целеустремлёнными выражениями лиц.

— Богема! — сказал Иван, когда «три толстяка» остались одни.

— Гламур, — подтвердил Андрей.

— А парень-то хороший, — задумчиво сказал Петя.

— Испортят они его, — продолжил Иван.

— Неизвестно, — почесал лысую голову Петя. — У Сани мысль в голове интересная. Больше пока не скажу, — мужики понимающе покивали головами, не обиделись. — Но парня для дела он выбрал правильно.

В дверях появилась радостная Мария, плюхнулась на сидение.

— Ну, вот. Билет достала в последний момент. Через три вагона, правда, в плацкарте... Но — какая разница. Теперь Юрочка никуда от меня не денется.

Мужики смотрели на Марию с тихим торжеством. Мария что-то заподозрила, взгляделась в лица.

— Он не в туалете, да?

— Он передумал ехать, — сообщил Андрей.

— Из-за меня?

— Нет, — успокоил её Иван, — за ним пришли.

— Кто?

— Телеморды, — ответил Петя и встал, загородив выход. — Но вы можете остаться.

— Тем более, что у нас освободилось место.

— А вы так любите секс и ничего больше.

Мария вскочила, но крупногабаритная фигура Пети никак не давала ей возможности пройти. Мария внушительно посмотрела на Петю. В её глазах не было никакого страха:

— А ну, отошёл, жирдяй! А то как бы тебе не забыть о сексе до конца пенсии!

Мужики грянули. Маша стояла и хмурилась.

— И девочка хорошая, — сказал Андрей.

— Да только больно взрослая, — откликнулся Иван.

Петя переглянулся с ним, полез в карман и вытащил оттуда визитку, протянул Марии.

— Если понадобится помощь, — звоните.

Мария прочитала:

— Пётр Семёнович Громов... Подполковник?..

Мария приподняла бровь и посмотрела на Петю другими глазами.

— В отставке... Но, как говорится в кино: мы бывшими не бываем.

Мария оглянулась на Андрея и Ивана, улыбнулась, потом улыбнулась Пете. Он посторонился и она выпорхнула.

— Хорошие ребята, — сказал Петя и сел напротив Ивана и Андрея.

Поезд тронулся. За окном потянулись провода, плавно провисая между столбами. «Три толстяка» тихо сидели и смотрели в окно. Потом вдруг забеспокоились, стали переглядываться. Потом вдруг Петя крикнул, сказал «да ну!», полез куда-то и достал бутылку водки.

Яркое солнце отражалось в воде и слепило глаза, когда Юра Филиппов поднимался по лестнице на мост. Он был одет в свои любимые старые джинсы и свитер грубой вязки. Он шёл налегке, его спортивная сумка куда-то делась. Удобными кроссовками шагал он по булыжникам, улыбаясь голубому небу и золотым куполам. У кружевных перил Патриаршего моста фотографировались туристы, а может, и коренные жители, и Юра шёл мимо них, стараясь не попасть ни в один кадр, лавируя между снимающими. Это не мешало ему целеустремлённо шагать прямо к не нуждающейся ни в каком описании глыбе Храма Христа Спасителя.

В Храме не было службы. Кто-то глазел, кто-то тихо молился, кто-то ставил свечку, а кто-то и охранял. И этих, охраняющих, стало сильно больше после всем известных событий. Юра смотрел на квадратных угрюмых пожилых мужиков в униформе и мрачнел. Он злился, сам себя этой злостью питая. Он осмотрел людей, находящихся в храме, каких-то двух молодых священников в чёрных рясах, разговаривающих в углу, золото и мрамор, взглянул на иконы, минуту постоял, всматриваясь в скорбный лик Христа. В это время какой-то человек с глубокими морщинами на высоком лбу, в широких штанах и дредах достал большой навороченный фотоаппарат, и навёл его на Юру, чего тот, казалось бы, не заметил. Когда фокус в фотоаппарате был выставлен, а запись видео включена, Юра, как будто почувствовав готовность оператора, отмер, развернулся и пошёл по направлению к выходу. Но не вышел, а направился к прилавкам, с которых торговали свечами, иконками, книгами, молитвами, дисками с проповедями и бутылочками со слезами Богородицы, протиснулся сквозь народ и тяжёлым взглядом уставился на продавщицу в сиреневом платочке и с пористыми красными щеками.

— Почём?

— Что?

— Свечи.

— Какие?

— Большие.

— Сто пятьдесят рублей. Малые по сто.

— А вы слышали о том, что торговать в храме нельзя?

— Так мы же при входе.

— Вы в храме. А торговать в храме нельзя. Вы слышали про это? Знаете, кто сказал?

— Так верующим удобно...

— Нет! Так удобно вам!

И с этими словами Юра размахнулся и сбросил книги и свечи с прилавка. Народ парахнулся, продавщица отшатнулась так резко, что её щеки догнали лицо по воздуху не сразу:

— Да ты что себе... Хулига-а-ан!

На визг обернулись чёрные священники, беседовавшие в углу, встрепенулась охрана. Юра рванулся к стойке с дисками, схватил, перехватил горизонтально, диски посыпались, народ расступился, — и тяжёлую стойку для дисков Юра с размаху опустил на стеклянную витрину. С весёлым плеском витрина разлетелась. Юра развернулся и сокрушил витрину напротив.

— Батюшка-а-а-а-а! — заверещала продавщица.

— Это дом молитвы! — грозно, как право имеющий, взрычал Юра. — А не разбойничий притон!!! В храме торговать нельзя!!!

К Юре побежали. Двоих из пожилых охранников Юра остановил, кинув им под ноги стойку для дисков, остальных раскидал локтями, сунуться они не посмели. Юра взял несколько иконок и швырнул их наземь, растоптал кроссовкой. Продавщица мелко закрестилась.

— В них святости нет и на грош! Всё у вас на продажу! Аренда помещений и автомойка!

Священники, видя нерешительность охраны, бросились на Юру сами.

— Пусти! Фарисей!

Священник оскорбился и двинул Юре под дых. Юра согнулся пополам, из его глаз брызнули слёзы, перехватило дыхание. Согбенной позой Юры священники воспользовались, чтобы заломить ему руки.

Через секунду в храм вошли четырнадцать «космонавтов», солдат ОМОНа... Юра ещё успел усмехнуться, оценив количество «легионеров», прежде, чем командир надел на Юру наручники, и его вывели из Храма Христа Спасителя.

— Но вы же ничего не поняли! — кричал Юра, сопротивляясь. — Вы же нарушаете все заповеди!.. Две тысячи лет — ничего не изменилось!

Юру вывели. И последнее, что снял на фотоаппарат оператор с дредами, это как два молодых священника с чувством выполненного долга по-боксёрски разминали руки и плечи.

На Волхонке у Музея Личных Коллекций стоял корреспондент в пиджаке, галстук и джинсах. Оператор снимал его так, что корреспондент оказывался на фоне Храма, откуда выводили Юру и запихивали в огромный автозак (красивое слово, на самом деле, это был всего лишь грязный уродливый автобус с решётками). Зачем на одного Юру понадобился целый автобус — неизвестно. Да и откуда он взялся тут так быстро, — тоже было неясно. Впрочем, то же самое было неясно и про съёмочную группу скандального телеканала, которая работала в прямом эфире если не по телевещанию, то в сети Интернет:

— Беспрецедентный случай произошёл сегодня в Храме Христа Спасителя, — вещал корреспондент в микрофон с зелёным кубом и тремя печально известными всей стране буквами. — Неизвестный вошёл в Храм и устроил там дебош, разбив витрины и опрокинув прилавки. При этом он выкрикивал слова о том, что в иконах недостаточно святости, а в храмах надо молиться, а не торговать. Неизвестный был задержан силами работников Храма и отрядом специального назначения...

Камера приблизила окно автозака, в котором можно было разглядеть усталое и ко всему безучастное лицо Юры Филиппова...

Фотография Юры в окне автозака облетела все сколько-нибудь важные издания, появившись сначала на сайте телеканала, на котором работал тот самый журналист. А под текстом, который он проблеял в камеру, поплыли комментарии:

— Беспрецедентный случай! Ха-ха-ха! Эти типа «журналисты» вообще ничего не читают?

— Вы мне лучше скажите, как они оказались там так быстро? Акция спланирована заранее! Они знали!

— На сайте написано, что они оказались там случайно, приехали брать интервью у директора музея им. Пушкина. У неё юбилей.

— Написать они могут всё, что угодно.

— Юбилей у неё был зимой!

Поднялась волна. На телевидении, в газетах, на проповедях и на лекциях различных профессоров-богословов все обсуждали произошедшее в храме Христа, давали свои оценки, комментировали оценки других, постили статьи и кидали друг другу ссылки.

По тому же самому коридору шли Панаев и Скабичевский. Открыли ту же самую дверь, и на них с некоторой безнадёжностью во взоре взглянул Ибрагимов.

Уже за закрытой дверью Ибрагимов расплатился с «телемордами» и сказал:

— Так им и надо, наверное. Но почему я? Разбирались бы сами!

— Арон, никто не узнает, — успокоительно заметил Скабичевский.

На ток-шоу, у той же самой хихикающей девушки сидели известный, шибко православный кинорежиссёр и дама, общественный деятель, сестра большого олигарха.

— Это атака на Храм... на веру... — глухим голосом возмутился режиссёр. — На основы культуры, историю и самобытность государства Российского! Да на самого Христа, если хотите! Подумайте, кому выгодно!

— Ну-ну-ну, — дама успокаивала барина, как тяжелобольного или как капризного ребёнка. — Не путайте людей, которые служат Христу, и самого Христа. Это атака на церковников, на фарисеев, которые кормятся за счёт наших с вами налогов. Подумайте, кому это выгодно.

Человек с дредами сидел в интернет-кафе. Он залил видео с фотоаппарата на YouTube и довольно откинулся на спинку. В углу, наращивая темп, побежали цифры количества просмотров видео, а к самому видео побежали комментарии:

— Обратите внимание: он просто повторил то, что сделал в Иерусалимском храме Христос!

— А священники собираются повторить подвиг тех, кто служил в Иерусалимском храме? Распять его?

— Распяли Христа римляне! Учите матчасть, православные!

— Откуда видео? Кто снимал? Акция спланирована!

Юра сидел в камере на стуле, руки были скованны за спиной. Молоденький мент с безучастным лицом энергично и даже самозабвенно бил Юру в живот и по рёбрам. Было похоже, что он не понимает, что Юра — живой человек, казалось, он думает, это боксёрская груша. На его удары Юра отвечал сдавленными короткими стонами. Мент завершил серию ударов, энергично выдохнул, отошёл к столу, взял из пепельницы дымящуюся сигарету, сел на стол рядом с пепельницей, с удовольствием затянулся. Юра сплюнул длинную розовую слюну, в ожидании уставился на мента.

— Ну? Кто научил? Кто подослал? Кто заплатил? Что обещали?

Юра широко улыбнулся.

— Демшиза? Госдеп? Посольство? Москва? Телевидение? Администрация? Чья?

Юра отлепил пересохший язык от верхнего нёба:

— Я лучше подставлю другую щёку.

Мент кивнул, понял, затянулся ещё раз, положил сигарету в пепельницу и спрыгнул со стола:

— Не выйдет. По лицу мы не бьём.

Юра бы и рассмеялся на это замечание, если б успел: молоденький старательный мент начал новую серию ударов по туловищу Филиппова.

В это время у здания СИЗО стояли одиночные пикеты с плакатами:

«Свободу Юре Филиппову!» (с известной фотографией сквозь решётку автозака), «Христос с нами!» (по мотивам иконы «Филиппов в силах»), «Юра, я здесь!» (кадр из фильма «Берегись автомобиля»).

Вокруг Храма Христа Спасителя выстроилась плотная цепь полицейских. Двойная цепь людей в униформе со сложенными противогазами, висящими у каждого на поясе, имела только одну брешь в виде рамки металлоискателя. Двое полицейских споро обыскивали каждого входящего в храм. Заставляли вынимать из карманов всё металлическое, телефоны, ключи, плееры...

— Акция тонкая, вскрывает глубокую болезнь нашей церкви, поверьте мне, как человеку православному, — комментировал кто-то в фейсбуке, — Юрий Филиппов прав, он показал нам истинное лицо наших священнослужителей...

— А они теперь накинута. Посадят его лет на семь!

— Хорошо ещё, что у него детей нет.

— Хорошо ещё, он про Путина ничего не сказал!

— Слушайте, достали вы с вашим Путиным! Кто вам платит?

Дедушка остановился в рамке металлоискателя, огромными грустными глазами посмотрел на обыскивающего полицейского:

— А крест снимать?

Полицейский опешил. Отмер через секунду, поднял палец: «Сейчас!» — и забормотал в рацию:

— Седьмой, седьмой, я тринадцатый. У нас проблема...

Протоиерей Никулин тихим смиренным голосом читал лекцию в какой-то аудитории.

— Я бы его простил... Пригласил бы выпить чаю, поговорил... Я уверен, в его душе что-нибудь бы да шевельнулось... Понимаете, ведь это русский человек, воспитанный в православной культуре... Если б какой-нибудь Аарон Ибрагимов вошёл в Храм и навалил там кучу, это одно дело, а Юрочка Филиппов — душа заблудшая, врагом рода человеческого соблазнённая... Излечить его, вернуть в лоно церкви, — наша святая обязанность...

На окраине Москвы у маленькой незаметной церкви собрались трое хулиганов. Войдя на территорию церкви, они огляделись и целеустремлённо пошли к ларьку с надписью «Церковная лавка». Оказавшись у неё, они достали из-под курток бейсбольные биты и стали крушить лавку с радостью и остервенением. Старушка-божий одуванчик, торговавшая в лавке, нырнула под прилавок... Под весёлый погром ни в чём не повинного ларька ВКонтакте продолжали сыпаться комментарии:

— Акция спланирована! Найти организаторов! И посадить по всей строгости!..

— Может, лучше сразу сжечь?

— Найти того, кто снимал! Пусть ответит!

— И сжечь? Помнится, так и поступали с евангелистами...

— Филиппов прав, ничего не меняется.

— Вы что же наших священников с жидами сравниваете? Вы в своём уме? Со всем Россию просрали!

— свящеНники. Пишется через «я» и два «н». Запятые... Русский язык сначала выучи, патриот хренов!

Когда ни одного целого стекла не осталось в «Церковной лавке», хулиганы побежали. Из покорёженного алюминия высунулась голова старушки, и вслед убегающим хулиганам полетел красивый, отборный и даже где-то поэтичный шестиэтажный мат, перекрываемый зазвонившими вдруг на церкви колоколами.

За широким столом на экране большого LCD-телевизора сидели четверо: Панаев, Скабичевский и ещё двое их соведущих, брюнет и блондин. У каждого в руках было по газете.

— На этой неделе все обсуждают только одну новость, — ровным голосом говорил Скабичевский, — второе пришествие Христа.

— А что? Оно уже состоялось? — мгновенно отреагировал заготовленной шуткой Панаев. — А ты, Ваня, опять пропустил?

Зал засмеялся.

— Состоялось, — глядя в газету бубнил Скабичевский. — Он пришёл в Храм Себя Спасителя, и, как и в первый раз, прогнал оттуда торговцев. Реакция правоохранительных органов последовала незамедлительная. Юрий Филиппов, так зовут в миру новоявленного Христа, арестован, содержится в СИЗО, ему грозит до 15 лет лишения свободы.

Панаев присвистнул.

— Мне кажется, его надо распять, — с лёгким и пикантным южным акцентом сказал соведущий-брюнет. — Для полноты картины.

— Его и без тебя распнут, — хамовато ответил блондин. — И раз пнут! И два пнут! И шестьдесят два пнут! Ну, потом извинятся, и канонизируют, конечно.

— Канонизируют? — с очаровательным смешком переспросил брюнет.

— А как ещё извиниться-то? перед кем? Нет уже никого... всё...

В зале раздался смех. Панаев вдруг согнулся пополам, упал головой на стол и стал колотить по нему рукой как бы в приступе неконтролируемого смеха.

Раздражённый Ибрагимов выключил телевизор, швырнул пульт управления на диван, нервно заходил по комнате. Он был в отчаянии, он чуть не плакал. Рванулся к столу, открыл ноутбук. Вышел на фейсбук, стал читать ленту новостей: «Грани.ру сообщают, что связаться с матерью Юрия Филиппова так и не удалось. На звонки она не отвечает, из дома не выходит. У подъезда госпожи Филипповой проходят несанкционированные акции. Там дежурят как сторонники, так и противники задержанного на днях Юрия Филиппова. Сведений о других его родственниках пока нет». Ибрагимов крутанул колёсико мышки, нашёл чей-то комментарий:

«Да он за всех пострадал! За тех, кто уже сидит, за тех, кого посадят в ближайшем будущем. Он, в самом деле, Христос!»

Ибрагимов закрыл ноутбук, положил на него руки, на руки голову, прорыл «Почему я? Почему я?» и заплакал.

Ночью в огромном магазине «ИКЕА» Мария заканчивала ремерчандайзинг, переоборудование зала. Она давно уже привыкла не смешивать личную жизнь и деловую, поэтому никто из рабочих, кто под её чутким руководством собирал и устанавливал кровати, развешивал балдахины и стелил бельё, не мог прочесть на её лице ни тени того, что творилось в её душе. Она была строга, собрана и требовательна.

— Эти две кровати надо перенести туда, из угла убрать комод, поставить прямо посередине зала. И в детский уголок накидайте побольше мишек... только разных!

— Мария Константиновна, ночь уже! Мы завтра в восемь придём и всё доделаем!

— А сверхурочные?

— Сил нет больше.

Мария недовольно качнула головой, вскинула руку, посмотрела на часы.

— Я запишу, что вы разошлись в половине первого.

За секунду из огромного зала сдуло всех, кроме Марии.

Оставшись одна, Мария позволила себе расслабиться. Она села на кровать, ссутулилась, а с лица сразу слетела строгость. Посидев несколько секунд, глядя в пол, она вдруг всхлипнула. Беспомощно огляделась по сторонам, потянулась за валявшимся на соседней кровати мишкой, взяла его, обняла и улеглась, поджав под себя ноги, под прозрачный балдахин на огромную двуспальную кровать для молодожёнов. Мария лежала на огромной кровати в громадном торговом зале магазина «ИКЕА» и, тоненько подвывая, горько плакала.

Двери зала суда распахнулись, и вошла тучная, коротко стриженная, в блондинку крашенная, очень плохо выспавшаяся судья. Пристав выкрикнул в потолок:

— Прошу всех встать!

И встали протоиерей Вячеслав Андреевич Никулин с одной стороны, галерист и бизнесмен Аарон Васильевич Ибрагимов с другой, встали какие-то представители ду-

ховенства за спиной протоиерея, встали Панаев и Скабичевский за галеристом, встали журналисты у скамей и охрана у дверей. А более никто не встал, ибо никого больше в зале суда и не было.

— Прошу садится, — бесконечно усталым голосом сказала судья и села сама. Открыла папку, и без пауз, беря воздух для новых слов, не успев договорить старые, так что речь её катилась волнами вместе с вдохами-выдохами, не слушая саму себя, и не стремясь к тому, чтобы кто-нибудь понимал, что она говорит, начала читать: — Слушается дело по иску Русской Православной Церкви о признании объекта частной собственности Екатеринбургского Музея Современного Искусства, принадлежащего гражданину Ибрагимову А. В., духовным наследием Российской Федерации и передаче объекта Русской Православной Церкви для дальнейшей реконструкции объекта и открытия в объекте Русского Православного Храма... истец, слушаю вас.

Проговорив всё это, судья закрыла глаза. Было похоже, что она тут же уснула. Близорукого Никулина, однако, это не смутило.

— Там всегда был храм, — прошелестел он смиренно. — И должен быть храм.

Судья со вздохом проснулась:

— Ответчик по данному иску возражает?

— Конечно, — твёрдо сказал Ибрагимов. Он совсем не был похож на отчаявшегося, пьяного или растерянного Ибрагимова, которым он представлял до сих пор. Было ясно, что это цепкий и жёсткий бизнесмен, умеющий оставлять свои сомнения дома. — Более того, я подаю встречный иск о признании моей собственности неотъемлемой частью культурного наследия Российской Федерации.

— Таким образом, вы претендуете на государственное финансирование? — брезгливо спросила судья.

— Это не обязательно. Мне необходима защита государства от церкви.

— Вы думаете, в этом споре государство станет на вашу сторону? — с лёгкой усмешкой тихо спросил Никулин.

— Вообще-то церковь у нас отделена от государства. Но если принимать во внимание, что по вашей указке у нас следственный комитет дела шьёт и безобидным людям реальные сроки впаривает...

— Они не безобидны! Они подрывают устои!..

— Ничего они не подрывают, кроме вашего благополучия. Лишать людей свободы, отбирать детей из-за хулиганской песенки!...

— Это глумление над святынями, но вам это не понять! Вы человек чужой!

— Делить на своих и чужих, — это вы умеете. Но вам и Христос чужой!

— Началось!

— Не я его выгнал из храма, уважаемый господин протоиерей.

— А если бы к вам в музей пришли и стали громить, вы бы не выгнали?

— Я не христианин. А вы — да. Но Христа, выгоняющего торговцев из храма, вы прогнали и посадили.

— Во-первых, не я.

— Ну, ваша контора.

— Мы не контора! Мы церковь!

— Какая разница? Боретесь за собственность...

— Мы не хотим, чтобы в помещении храма устраивались ваши непотребные выставки! В стенах, освящённых самим патриархом Никоном! Вы выставляете обнажённую натуру, людей, которые на картинах и фотографиях занимаются... мерзостью!

— Фальшивый стыд, прикрывающий вашу низость, мелочность и стяжательство. Вы бы задумались, Вячеслав Андреевич, может, не правы вы? А те, кто призывает открыть глаза и ясно взглянуть на несоответствие церкви провозглашаемому ею принципам, делают благое дело!

— У нас хоть какие-то принципы есть!

— Ваша честь, — вдруг сказал Ибрагимов, чем заставил судью вздрогнуть и проснуться, — я ходатайствую перед судом вызвать в качестве свидетеля защиты Филиппова Юрия Фёдоровича...

Журналисты вздохнули: «Христа?»

— Он расскажет, что толкнуло его на такой поступок, и как он относится к современному церковному устройству.

— Это в рамках другого судебного разбирательства.

— Расскажет и там, — пообещал Ибрагимов. — Здесь он как свидетель.

— Я так и знал! — вскричал протоиерей Никулин. — Это ваших рук дело! Это провокация!

Ибрагимов слегка повернулся назад.

— Не докажет, — тихо прошипел Панаев. Но получилось не очень тихо. Может, Панаев этого и хотел?

— Вы слышали, слышали? — вскричал протоиерей. — У них это всё было подстроено.

Судья устало прикрыла глаза ладонью.

— У вас есть факты, доказательства, отец Вячеслав?

— Нет, но это же очевидно!.. Как я сразу-то?!.. Вошёл Ибрагимов и навалил кучу...

— К порядку, к порядку, — вяло провозгласила судья.

— Ваша честь! — рванулся к судье священник. — Иностранцы атакуют мать нашу святую церковь! Это... нельзя допустить... это... война!

— Религиозная? — цинически спросил Скабичевский.

— Имущественная, — в тон ему ответил Панаев.

— Они хотят уничтожить православную церковь! — священник рванулся к судье, зашептал страстно. — В ваших руках сейчас судьба православия!

Скабичевский потянулся к уху Панаева, тот пригнулся.

— «С третьего щелка вышибло ум у старика»...

Панаев, улыбнувшись, кивнул.

Судья внушительно посмотрела на священника. В её усталых глазах вдруг зажглись огоньки, зажглись и остались гореть, насторожив и испугав протоиерея. Она заговорила тихо, чтобы слышал только протоиерей:

— Я знаю своих предков до седьмого колена. Все мужчины в нашем роду — священники. Включая моего мужа. Они даже в тридцатые служили, рискуя быть расстрелянными, даже в семидесятые, получая срока и диагноз «вялотекущая шизофрения». То, что в последнее время творите вы, мне стыдно им на могилах пересказывать.

Протоиерей отшатнулся. На заднем плане Панаев и Скабичевский тихонько хлопнули друг друга ладонью о ладонь. Судья подняла голову, тяжёлые веки снова прикрыли её усталые глаза, и она объявила:

— Суд принимает ходатайство о вызове свидетеля со стороны ответчика! Заседание переносится на завтра, в час дня!

В зале зашумело.

В камере СИЗО Юра Филиппов лежал на нарах и смотрел в потолок. К решётке подошла Мария. Юра почувствовал её присутствие, вскочил, поморщился из-за больных рёбер, посмотрел на неё.

— Прости, раньше у меня не получалось, — виновато сказала она.

— А как же вдруг получилось?

— Нашла, кому заплатить... Это же Россия, здесь всё так... Не подмажешь — не поедешь...

Юра кивнул.

— Тебя ведь тоже... подмазали... Иначе ты давно бы рассказал, что это ты не сам...

— Тише. Об этом никто не должен знать.

Юра встал, подошёл к решётке, заглянул в коридор как можно дальше, не подслушивает ли кто. Мария, воспользовавшись этим, положила свою руку на его, обхватившую прут.

— Значит, много заплатили... Неужели это такая уж хорошая роль?

— Главная. В одночасье стал знаменит.

— Прости, не понимаю. Это какое-то ребячество. Повторить то, что сделал Иисус Христос, чтобы — что? Им это зачем надо?

— У них — практическая цель. Им церковники иск подали... Там всё дело в собственности. И они хотели всего-навсего скомпрометировать тех, кто подаёт иск.

— Русскую Православную Церковь? Да, размах у твоих ребят серьёзный.

— Так что у меня ещё один выход... должен был быть...

— В смысле?

— Ну, на суд... Как на сцену...

— Ну? Суд с Ибрагимовым в разгаре...

— Я знаю... завтра за мной должны прийти... но я не хочу... Понимаешь, мне нет дела до их собственности... мне до своих-то денег дела больше нет...

— Я не понимаю.

— Маша, оглянись вокруг. Мы увязли... завязли... зависли... мы забыли, что главное, главным называем что-то совсем неглавное!

— Филиппов, ты нормальный? Ты пока витринки в Ха-Ха-эС крушил, умом тронулся?

— Маша, как ты не понимаешь? Вся эта история говорит только об одном: Иисус приходил зря. За две тысячи лет ничего не изменилось! В храмах зарабатывают деньги, и только для этого дурачат людей... Против Христа или его именем, — неважно! И ведь это так только... верхушечка... а в глубине... мы ведь тоже совсем не изменились... Мы не Бога хотим, а чуда... пожить подольше, да поесть повкуснее.

— Ты сошёл с ума.

— По-моему, я в него вошёл. Завтра в час дня за мною явятся, чтобы везти в суд... А я не поеду... Я откажусь... Завтра я только свидетель, мне можно...

— Подожди... Панаев и Скабичевский заплатили тебе деньги!

— Тише. Я им их отдам.

— А что будет потом?

— Пока не знаю. Мне надо подумать. Тюрьма для этого — не самое плохое место... Хотя, конечно, хотелось бы простора...

Мария вгляделась в лицо Юры. Она всегда знала, что он мужик красивый. Но сейчас в его огромных голубых глазах, светящихся новой увлекшей его идеей, был след красоты иного рода, красоты настоящей, глубокой, не увядающей с годами и не зависящей от соотношения роста, веса и мышечной массы.

— Я подумаю, что можно сделать, — сказала Мария по-деловому и вдруг обняла Юру порывисто сквозь прутья решётки. Юра застонал от боли: рёбра болели. Мария испуганно отшатнулась, подавила жалостливую гримасу на лице, сглотнула ком, прощально махнула пальчиками и вышла.

На улице, пройдя несколько шагов от СИЗО, мимо людей, прислонивших к стене плакаты о свободе нового Христа Филиппова, лениво пьющих пиво на углу, она достала визитку лысого Пети и набрала на своём телефоне номер.

— Алло, Петя? Это Маша. В поезде познакомились... Слушай, Петь, тут такое дело...

Говоря по телефону, Мария уходила прочь от СИЗО в городские сумерки, которые ещё не успел разогнать свет фонарей.

На другой день около полудня два полицейских подошли к решётке камеры и не обнаружили там никого. Юра Филиппов исчез. Замки были целы, прутья не гнуты, но камера была пуста. Начались крики, команды, беготня, попытки выявить причастных и наказать виновных, но вернуть Юру в камеру это уже не могло.

В зале суда вчерашняя судья, Ибрагимов, Никулин, Панаев, Скабичевский, священники и журналисты ждали, когда приедет свидетель под конвоем. Но появился только конвой и сконфуженной мордой своего начальника что-то сообщил судье.

Судья встала, встали и все находящиеся в зале. Судья, прикрыв усталые глаза, пересказала новость присутствующим, это вызвало переполох. Как крыльями захлопал рукавами рясы протоиерей Никулин, стал что-то кричать, судья стала бить молотком. Журналисты защёлкали вспышками... Ибрагимов вопросительно посмотрел на своих подчинённых, те лишь пожали плечами. Но когда Ибрагимов отвернулся, Панаев и Скабичевский переглянулись, будто что-то всё-таки об исчезновении Юры знали. Ибрагимов вышел из зала, поманив за собой парочку «телеморд».

Ибрагимов шёл впереди, Панаев и Скабичевский вышагивали сзади.

— Вы знали, что он сбежит, — цедил Ибрагимов.

— Откровенно говоря, мы на это надеялись, — спокойно ответил Скабичевский.

Ибрагимов остановился, развернулся, оказался со Скабичевским нос к носу, прошипел:

— Счёты сводишь?

— Когда-то ведь надо, — спокойно ответил тот.

— Ты неправильно на всё это смотришь, Арон, — Панаев взял Ибрагимова под руку, повёл вперёд. — Нам ведь нужно было скомпрометировать церковь, — мы это сделали. Они сами, своими руками выгнали Христа из Храма. Мы его только подготовили. Остальное он сделает сам.

— Что сделает? Объявит им войну? Станет новым Христом? Уничтожит православие?

— Этого мы не знаем, Арон.

— Мы лишь запустили процесс, — Скабичевский взял Ибрагимова под другую руку.

— Но репутацию мы подмочим попам основательно.

— Так уж мы его подобрали.

— Профессионализм не пропёшь...

— Тут не только ты свою галерею сохранишь, тут такие дела начнутся! Галерея — так, побочный эффект...

— И ты в этом не виноват.

— Ну, что? Заслужили мы премию?

— Дальше двигаемся?

— Новый договорчик подпишем?

Ибрагимов остановился, посмотрел на держащих его под руки двух мелких бевсов, не сдержал улыбки и сказал:

— А ну-ка напомните, за что вы взяли именно его?

Через пять дней на рассвете на берег озера Байкал вышел грязный, невымытый, небритый, но совершенно счастливый Юра Филиппов. Он посмотрел на воду, на небо, на медленно поднимающееся из-за горизонта солнце, увидел вдалеке на воде силуэт лодки и в ней трёх рыбаков внушительного размера. Он набрал было воздуха в лёгкие, чтобы закричать, но потом передумал, уж больно тихо было вокруг. Тогда он быстро скинул с себя одежду, поводит руками, желая, очевидно, проверить, болят ли всё ещё рёбра. Рёбра, видимо, не болели, потому, что в следующую секунду обнажённый бывший сборщик мебели, философ и актёр, хулиган, разгромивший витрины в Храме Христа Спасителя, бросился в воду и поплыл к лодке баттерфляем, высоко выбрасывая руки и поднимая шумный и радостный плеск. На звук обернулся сидящий на корме лысый рыбак. Им оказался Петя. На нём из одежды были только длинные плавки. Он увидел плывущего к ним Юру, закричал, привлёк внимание друзей, Иван и Андрей, тоже тряся голыми внушительными телесами, стали махать руками, орать, подбадривать мощные гребки Филиппова. Потом, когда он доплыл, когда его довольная морда в мокрой щетине показалась над бортом лодки, они помогли ему в неё залезть, швырнули какую-то хламиду, в которую он завернулся, и дали кружку с водкой, чтобы он согрелся.

— А как же язва? — спросил небритый Филиппов небритых рыбаков.

— Да чёрт с ней! — беспечно махнул рукой Иван.

Петя сделал приглашающий жест своей кружкой, все четверо молча выпили.

— Ну, ты здоров плескаться! — после паузы сказал Андрей. Всё это время он не выпускал из рук удочку. — Всю рыбу распугал. Не клюёт!

Юра счастливо засмеялся, как будто его похвалили, встал, подобрался поближе к Андрею, встал на носу рядом с ним, посмотрел на воду, потом на берег, горизонт, небо.

— Красиво, — сказал он.

Мужики авторитетно покивали головами.

— Дальше-то что? — вдруг спросил Петя.

— Не знаю, — пожал плечами Юра. — Побуду с вами, если не прогоните, половлю рыбку... Сдержанности поучусь...

— Нет, — уточнил вопрос Петя, — совсем дальше? Потом, когда вернёмся?

— Поговорить надо, — Юра вдруг стал серьёзным. — А потом... потом всё начинать сначала...

Этот ответ Петю, кажется, удовлетворил. Он кивнул и стал смотреть на поплавок своей удочки.

— Очень красиво, — вновь проговорил Юра, вглядываясь в горизонт...

...За окном кабинета Марии лил дождь, из тех, по которым сразу становится понятно, что лето кончилось. Мария сидела, погружённая в работу. На её столе была в одном ей известном порядке навалена груда бумаг, косо стоял монитор компьютера. Она сверяла какие-то бумаги, через секунду заглядывала в монитор, потом снова возвращалась к бумагам. Вдруг дверь медленно отворилась, и на пороге показался Иван, одетый в серый костюм. Мария подняла глаза, две секунды смотрела на Ивана пристально, а потом вдруг некрасиво скривила рот и разрыдалась. Слёзы хлынули из её глаз так, как будто копились там долгие месяцы. Иван поспешно закрыл за своей спиной дверь и подошёл к Марии, подал стакан воды, обнял.

— Ну, тихо-тихо... Ну, всё...

— Он вернулся? — булькнула Маша в стакан.

— Да, мы в Москве. Ты нужна ему.

— Он сам так сказал?

— Он, может быть, этого ещё и сам не понимает. Но ему нужен кто-то, кто поддерживал бы его... во всём.

Маша кивнула, и выпила воду залпом.

Народ стоял у закрытых Воскресенских ворот, растянувшись толпой до нулевого километра. Народ хихикал, улюлюкал и фотографировался. В решётке торчали белые цветы, гвоздики и розы, чёрные прутья были увиты белыми лентами. Тут-то и появился, вышел из подземного перехода Юра Филиппов в шерстяном старом растянутом свитере в сопровождении трёх внушительных фигур в серых костюмах, трёх рыбаков. Не мешкая, Юра направился к воротам, к толпе. И толпа, едва заметив Юру, охнула, заткнулась и расступилась. Кто-то шепнул потрясённо девичьим голосом: «Юра-Христос!..» И через секунду в некоторых руках из толпы поднялись телефоны, направленные на Юру.

— Юра, нас не пускают! — крикнули из толпы.

— Мы только хотели погулять! — подхватил другой голос.

— Это наш город! Наша площадь!

Толпа стала кричать наперебой, разобрать что-либо было уже невозможно, только отдельные слова: «Совсем озверели!..», «Боятся!..», «Нечестно!». Юра поднял руки, толпа замолчала.

— А вы не пробовали войти?

Толпа стала переглядываться.

— Как?

— Как это?

— Не пускают же!

Юра повернулся к воротам, возложил на них руки, слегка навалился, ворота дрогнули и поехали внутрь. Толпа отхлынула, ахнув. Юра открывал ворота один и от их дрожания осыпались белые цветы, Юрины кроссовки уже топтали лепестки. Чугун ворот стукнулся о камень стены, Юра выпрямился:

— Ворота открыты. Надо было только это проверить.

Он сделал приглашающий жест и первым ступил на пустынную Красную площадь. Толпа, опомнившись от произошедшего только что чуда, ринулась за ним, мелькая белыми лентами, привязанными к рукавам, шляпам, сумкам... Менты у въездов в башни смотрели на толпу ошарашенно, но даже не пытались что-либо предпринять.

Юра шёл по бульжникам, люди бежали за ним и счастливо улыбались. Кто-то показывал пальцем на охрану, что-то смеясь спрашивал у Юры. Юра пожимал плечами:

— Служба.

Кто-то другой что-то шептал Юре на ухо, что-то объяснял, явно требовал одобрения и поддержки, яростно тыкая пальцем в кремлёвские башни. Юра отвечал коротко:

— Суета.

И вот уже кто-то третий завладел Юриным вниманием, старушка в платочке, явно верующая. Она тоже что-то шептала, спрашивала, и робко указывала раскрытой ладонью на прямоугольную пирамиду с надписью «ЛЕНИН». И на это Юра ответил только одним словом:

— Грех.

Юра прошёл дальше, сел на ступеньки «Василия Блаженного», и толпа окружила его.

Рыбаки наблюдали за всем этим издали, от Воскресенских ворот. И, когда вся толпа оказалась уже достаточно далеко, Пётр, загороженный спинами Вани и Андрюши, расплатился с охранником у ворот. Андрей недовольно цокнул языком, мол, не одобряет он этого, но Иван просто развернул за подбородок его лицо вперёд.

А Юра сидел на ступеньках и разговаривал с людьми.

— Никто не бывает добрым, щедрым и честным добровольно. Вы хотите, чтобы вам разрешили быть свободными. А разве на это требуется разрешение? Белые ленты — красиво. Но разве без них в ваших взглядах и в вашей душе что-то изменится? — Юра указал на подходящего к толпе мента. — Если с него снять его форму, разве он перестанет быть ментом?

Мент подошёл:

— Что за сборище на режимном объекте? Расходитесь, граждане!

Толпа посмотрела на мента с удивлением, а потом вдруг засмеялась. Юра поднялся, утихомирил толпу.

— Мы уже уходим. Не смейтесь над ним, он на работе. И по-своему он честен.

— Он охраняет преступную власть! — выкрикнул кто-то.

— Но делает он это честно, — ответил Юра.

Он двинулся к Васильевскому спуску, толпа, смеясь и с лукавством поглядывая на мента, пошла за Юрой.

Всю эту процессию спереди сфотографировал на свой навороченный фотоаппарат человек с дредами, и фото, конечно, тут же оказалось в твиттере с подписью: «Он вернулся!»

Фотографию Юры тут же перепостили на фейсбук, и потекли комментарии:

— Его посадят!

— Не посмеют!

— Но он же сбежал?

— Отпустили. Чтоб не связываться.

Ибрагимов в своём кабинете нервно пил виски прямо из бутылки и следил за появляющимися новыми комментариями:

— Его должны поймать! Он опасен!

— Ловят бабочек. Преступников — задерживают.

— Юра Филиппов не опаснее, чем ты!

— Или Христос... Был он опасен, как вы думаете?

Юра сидел в небольшой уютной комнате, явно не его, какой-то казённой, с интерьером советской провинциальной гостиницы и тоже читал комменты в своём ноутбуке:

— Что он теперь будет делать? Если почитать евангелие, — то вариантов у него немного. В ворота он уже вошёл.

— И кончит так же, как там написано.

— В смысле, воскреснет?

— Было бы прикольно.

— Воистину прикольно!

— «Юра, спаси нас!» Хочу такую футболку!

— Почему его не сажают?! Кто его защищает?!

Юра вскочил из-за стола, тяжело задышал, заходил по комнате. В дверь постучали. Он испуганно обернулся, резко спросил:

— Кто там?

— Это я, — услышал он приглушённый голос Марии.

Юра рванул к двери, резко её открыл. Мария была в своём деловом костюме и даже ещё с бейджиком на груди. Юра почему-то посмотрел именно на бейджик, и Мария, смутившись, как будто он заметил, что у неё из-под одежды торчит бельё, сорвала бейджик и, потупив взор, спрятала в карман делового пиджака. Юра усмехнулся и сгрёб Машу в объятия.

В кабинете с иконой «Спаса в силах», полочкой и полотенцем в красном углу сидел за столом, заваленном книгами, протоиерей Никулин. В углу стола располагался дисковый телефон с рычагами-рогами, старинная вещь. В массивную трубку этого телефона Никулин говорил почтительно:

— Он вернулся... Да, весь интернет... Но он же сбежал! А за побег срока́ только увеличивают... Но вы же можете договориться... Я считаю, что, безусловно, надо, чтоб другим не повадно было!.. И хорошо, что сидят! Истинные верующие только рады...

За дверью кабинета послышалась возня. Никулин насторожился. Дверь погромыхала и отворилась, и в проёме появилась, загородив вход, широкая спина матушки-секретарши в уютной душегрейке и платке на голове. Но за нею стояло ещё более мощное тело Пети Громова, предводителя Юриных рыбаков.

— Нельзя! — понимая, что это напоследок, взвизгнула секретарша.

— А я говорю, — можно!

Петя тоже уже понял, что редут сдан, отодвинул матушку и шагнул в кабинет. Никулин как был, с трубкой в руке, вскочил, пролепетал рефлекторно:

— Товарищ подполковник...

Также рефлекторно Никулин вдруг, уронив трубку, поднял руку к голове, отдавая честь, что странно выглядело для человека в подряснике. Видимо, он сам это почувствовал, потому как, недоотдав честь, он этой же рукой стал креститься, чего, впрочем, тоже до конца не довёл.

— Вольно, старлей, — милостиво разрешил Петя протоиерею, прошёл и сел на стул напротив стола.

— Марфа Петровна, идите, всё хорошо, — нетерпеливо махнул рукой Никулин и сел, подобрав по дороге трубку и без всяких извинений положив её на рычаги.

Секретарша Марфа перекрестилась и вышла. Священник сидел за столом как школьник, глядя на Петю как на призрак из прошлой жизни, чем он, собственно, для Никулина и был.

— Н-да... — сказал, помолчав Петя, разглядывая бывшего старлея. — На госслужбе ты таким мордатым не был.

— Сидячий образ жизни, товарищ... — протоиерей откашлялся, поправился: — Пётр Семёнович...

— И секретарши у нас посимпатичнее, конечно...

— У нас? Разве вы не уволились?

— Всё знаешь, Славик. Держишь руку на пульсе, — Петя показал глазами на телефон.

— Приходится. Кругом враги. Антицерковные силы активизировались. Что ни день — устраивают акции. Приходится реагировать.

— Что ж так не умно-то, Славик?

Никулин опешил. Откинулся на спинку стула, пристально через толстые стёкла взглянул на Петю.

— Я что-то не понял. Вы от кого? Вы теперь где работаете?

— На пенсии я. Свободный человек. Понимаешь? — Петя вдруг махнул рукой. — Хотя где тебе... Слушай, оставь в покое Филишова. Это я тебе по дружбе советую.

— Так. И почему же вы за него просите?

— Да тебя, дурака, жалко. Всё сделано безукоризненно. Вы так не умеете. Что бы ты сейчас ни предпринял — ты проиграешь. Выиграть ваша церковь может, только если она обо всей этой истории забудет. Тогда есть шанс, что и другие... забудут тоже.

— На нас совершенно нападение! Мы должны защищаться! Пётр Семёнович, вы сами учили...

— Ладно. Раз ты такой тупой — разберём. Допустим, вы продолжаете гонения на Филиппова. Вы его хватаете, обвиняете, сажаете... Но ведь он — Христос.

— Не святотатствуйте!

— Хорошо, он повторил то, что сделал Христос, так?

— Вы читали евангелие? — удивился Никулин.

— Кино смотрел. Так вот, если вы его посадите, это что получится? Христианская церковь против Христа? Кто же вы после этого?

— Это демагогия! Он — хулиган!

— Иисус тоже был хулиганом, когда громил лавки менял.

— Меняла... — усмехнулся Никулин. — Жиды!

Петя вдруг ловко протянул руку и схватил Никулина за нос.

— Ай-йа! — смешно сказал Никулин.

— Я тебе не о происхождении твоего Иисуса скажу, — с угрозой произнёс Петя, водя священника за нос. — Я тебе про нашего общего с тобой учителя, генерала Мазуса напомню, Марка Яковлевича. Сколько раз он нас за носы таскал, вытягивал, чтоб над чужими носами нам смеяться неповадно было, забыл? А я вот помню. И тебя, дурака, поучу. По старой памяти.

Петя отпустил покрасневший нос протоиерея, достал платок и стал вытирать руку. Никулин бережно притрагивался к своему носу, пытаясь «поставить его на место».

— Так вот, Славик. Юрочку Филиппова вы не тронете. Совсем. Захотите гнать, — встанете против Христа. Признаете Христом — вся ваша церковь окажется не нужна. Зачем церковь, когда здесь — её основатель? Лучше вам затаиться.

— Да? И ждать, когда он снова что-нибудь выкинет? Зачем он пришёл на Красную площадь? Подрывать основы?

— Тебе-то что до их основ? Он же не в храм пришёл. Вот и радуйся. Пока.

Петя встал, а до протоиерея вдруг дошло.

— Вы с ним. Подполковник Громов — с хулиганом! Так вот почему он так легко... И побег... Пётр Семёнович!

— Да, я с ним. И ты меня знаешь, Славик. Будешь рыпаться, — ещё больше завянешь.

— Ну, пра-а-авильно, вы же дядя... — Протянул Никулин. — Как же я сразу-то?! — В его голове кубики складывались всё лучше и стройней. — Но ведь это бесы! Пётр Семёнович! Вы понимаете? И Ибрагимов, и этот Филиппов, и эти, которые, в интернете... Все! Все одержимы бесами! Даже вы!

— Бесы в неверующих не поселяются. Звони патрону, Славик. Прекрати гон. Может, ещё обойдётся.

— Но вам-то! Вам-то это зачем?

Петя пожал плечами:

— Племяш попросил. Да и потом, соскучился я по работе.

— А это вам что — спецоперация, что ли?

— Ну, как знать, Славик. Как знать...

Петя вышел. А протоиерей Славик, подумав, снял трубку и набрал номер. Подождал и заговорил почтительно:

— Алло? Это снова я... Да... Извините, была непредвиденная ситуация... Да... вы знаете... наверное... надо в покое оставить... Да... не по-христиански это...

Тут Никулину на том конце трубки сказали что-то такое, от чего он сначала опешил, потом подобострастно захихикал, а потом заговорил ещё тише и доверительней:

— Ну, если серьёзно — есть причина. Не по телефону. Ну, хорошо. Да. Как скажете. Значит, завтра в двенадцать? Я приду. Пропуск закажете? Спасибо.

Бабье лето было в самом разгаре, когда в подмосковном лесу у костра собрались люди. Вокруг стояли палатки под яркой жёлто-красной листвой осенних деревьев, сверкающей на ярком прощальном солнце. Пётр и Иван где-то далеко рубили дрова, а Андрей и Мария сидели у ног Филиппова вместе с толпой. Юра говорил.

— Сколько раз нам просто меняли символы. Орлы, кресты, звёзды... снова орлы... Сколько раз за символами нам не давали разглядеть главного.

— Бога... — шепнул Андрей.

— Не обязательно. Самих себя. А Бог — он ведь внутри. Он ведь не с облачка взирает, он рядом сидит. И никуда идти не надо, чтобы с ним встретиться.

— Но ведь ты пошёл в храм! Ты ведь изгнал оттуда торговцев!

— Я сделал это не для себя. Для всех. Для верующих, которые ещё могут задуматься, которые не слушают бездумно всё, что им говорят. Для неверующих, которые уже пикнуть боятся потому, что вера становится идеологией, и священники наступают на остальной мир. А разве это правильно? Я хочу, чтобы вы думали, чтобы вы сами принимали решение, о чём вам думать, во что верить, и что делать. Я не хочу, чтобы вы собирались и молились сообща, только потому, что так принято. Я хочу, чтобы каждый из вас остался наедине с самим собой. Наедине с Богом. И не мешал другим, кому это надо, собраться вместе и молиться.

— Юра, — робко спросила какая-то старушка. Откуда она здесь взялась и как выживает в лесу, было неясно. — Скажи, а ты в Бога веруешь?

— Я верю в самого себя. И от вас хочу того же!

Люди вдохнули и замерли, не в силах выдохнуть.

— А девочки? — вдруг спросила Мария.

— Какие девочки?

— Которые спели в Храме Христа Спасителя?

— Они пришли туда раньше, чем ты, Юра!

— Они подали тебе идею?

— Да, Юра! — подхватил кто-то. — Как ты к ним относишься?

— Они твои предтечи! — экзальтированно выкрикнула какая-то женщина из толпы.

Люди загомонили, стали спорить. Кто-то горячо поддержал эту мысль, кто-то возмущённо запротестовал. Юра поднял руки, успокаивая людей.

— Кем вы меня считаете? — перебив гомон, мощно спросил Юра.

Люди замолчали.

— Я всего лишь человек, который задумался. И своим умом я дошёл до того, что уже написано. Почитайте евангелие, не бойтесь. Там сказано, например, о священниках: делайте так, как они говорят, но никогда не поступайте так, как поступают они. Потому, что они никогда сами не делают того, к чему призывают других. Там написано, что власть — это насилие над человеком, и что человек должен отдать кесарю кесарево, а Богу Богово потому, что это никогда и никак не смешивается. Там написано, что надо любить этот мир и друг друга независимо ни от чего. Потому, что мир прекрасен, а каждый человек является отражением и сыном Бога. Там написано, что «отцом» нельзя называть никого в этом мире, кроме Бога. А те, кто требует, чтобы их звали «отцами» — лжепророки, хищные волки в овечьей шкуре. И что придёт день, когда они предъявят Господу счёт, требуя награды за то, что служили ему, и его именем отпускали грехи и изгоняли бесов, а Господь отвернётся от них, как от творящих зло. Правда не зовёт к войне и истреблению другой правды. Тот, кто бредит войной — лжец. И его надо честно объявить лжецом. Хватит убивать за идеи! Нет такой идеи, которая стоила бы человеческой жизни. Будь это коммунизм, фашизм или православие. Бог есть жизнь и любовь. И человек — это любовь и жизнь. Давайте жить!

Юра обвёл глазами притихшую толпу, люди смотрели на него потрясённо, и в глазах их как бы читался вопрос: «Кто ты?» По щеке Марии текла слеза, а Андрей угрюмо глядел в землю. За кругом людей, собравшихся у костра, Юра вдруг заметил Панаева и Скабичевского, которые улыбаясь смотрели на него. Когда они здесь появились? И почему они оказались одеты так странно, — в зелёную военную камуфляжную форму? Юре некогда было об этом думать. Он улыбнулся и сказал:

— А что касается девочек... Кто без часов — пусть бросит в них камень.
Толпа засмеялась.

Яркое осеннее солнце лизало купола Храма Христа Спасителя, а вокруг храма таджикские рабочие строили стену из бетонных блоков. Строили быстро и аккуратно. Напротив стены стояли люди с плакатами: «Бог и сквозь стену видит!», «Правда глаза колет!», «От Христа не спрячетесь!»

Пользователи писали в интернете:

— Мракобесие! Средневековье! Новые религиозные войны.

— Когда на нашу веру нападают, мы вынуждены её защищать!

— Храм — не вера. Храм это камни и стены, не больше.

— Храм — это дом Бога.

— А священники — рейдеры.

— Всё это спланировано! Вами манипулируют! Как вы не понимаете?

— А может, манипулируют вами?

К Храму подъехал ОМОН, буднично затолкал горстку митингующих в автозак, те буднично пошли. И только рабочие, не моргнув глазом, продолжали работу.

У хихикающей девочки в студии встретились Ибрагимов и Никулин.

— А чего вы так боитесь? — спрашивал Ибрагимов.

— Мы не боимся! Мы защищаем нашу веру!

— Строя берлинскую стену вокруг Ха-Ха-ЭС?

— Вы передёргиваете.

— Нет, передёргиваете вы. Вы снова путаете веру и церковь.

— Церковь основал Христос. И на его церкви две тысячи лет стоят царства! Государства!

— Не аргумент. Церковь — это всего лишь организация, которой управляют люди. А людям свойственно ошибаться.

— И поэтому вы превращаете церковь в галерею?

— Поэтому я не даю галерею превратить в церковь. Всему своё место.

— Так вы поддерживаете эти бесконечные атаки на Храм Христа Спасителя?

Ибрагимов пожал плечами:

— Они заставляют людей задуматься. А иногда и сплотиться. Дружить против кого-то всегда проще, правда?

— Послушайте, Ибрагимов, вы же человек искусства. Храм Христа Спасителя — это же произведение искусства.

— Да, причём современного. Его художественная ценность сомнительна, но сам факт восстановления в наше время Храма, разрушенного упырём Сталиным — это, безусловно, факт победы искусства над... смертью, если хотите...

— Так почему же вы не защищаете его вместе с нами? Почему же вы устраиваете на него атаки?

— Я? Когда?

— Но разве Юрочка Филиппов — не ваше порождение?

— Нет.

— У меня другие сведения.

— Интересно, откуда?

— Так вы это отрицаете?

— Да. И если кто-то решит напасть на Храм Христа Спасителя, я первый встану грудью на его защиту.

Никулин пытливо посмотрел на Ибрагимова и вдруг протянул ему правую раскрытую ладонь. Помешкав три секунды, Ибрагимов, не ожидавший от Никулина такого, всё-таки пожал руку священника.

Хихикающая девочка вскочила:

— Исторический момент! Примирение церкви и одиозного руководителя современного российского искусства! Историческое рукопожатие! На программе Аграфены Буниной!..

И Ибрагимов, и Никулин поморщились от глупого голоса ведущей.

Пошла заставка и комментарии:

— Ибрагимов запустил Филиппова? Я так и думал! Это спланировано!

— Либерасты! Слили протест!

— Ну, при чём тут?.. Да ну вас...

— Как он мог руку попу́ пожимать?

— Да это как поп мог пожимать руку Ибрагимову?

— «Ибрагимов — это зло!» Хочу такую футболку!

На пустой поляне у костра сидели Панаев и Скабичевский в камуфляже. На костерке что-то булькало в кастрюльке, «телеморды» прихлёбывали какую-то похлёбку ложками из мисок. Из-за деревьев вышел Юра. Постоял немного, поглядел на сидя-

щих, будто решаясь, идти к ним или не идти. Потом Панаев его заметил, махнул рукой, Юра подошёл.

— Есть хочешь? — спросил Панаев.

— Нет, я поел...

— На этом твоём Грушинском фестивале? — с иронией спросил Скабичевский.

— И как ты их кормишь, Юра? — продолжил вяло издеваться Панаев. — Чудо насыщения пяти тысяч двумя хлебами?

— Нет, просто Маша — хороший менеджер.

— И никаких чудес, — резюмировал Панаев Скабичевскому.

Юра сел на бревно, Панаев разглядывал его пытливо, а Скабичевский вроде бы безучастно хлебал из миски. Дохлебал, поставил миску на землю и сказал:

— Ты им скоро надоешь.

— Ага, с наступлением холодов, — подтвердил Панаев. — Они всего-навсего люди, Юра.

— Я так понимаю, галерею вашему Ибрагимову так и не отдали.

— Суд отложили. Но дело не в этом.

— Деньги я верну.

— Зачем? Ты их честно отработываешь. Только надо перестать болтать, надо действовать.

— Как?

— Мы больше тебе не советчики, Юра. Ты теперь у нас личность самостоятельная. Проповеди читаешь...

— Иногда даже евангелие цитируешь.

— Они тебя новым Христом считают. Интернет читал?

— А церковники тебя боятся.

— Они опять ничего не поняли, — Юра скривился.

— А на что ты рассчитывал? Что ты придёшь, всё им объяснишь, и все всё сразу поймут? Наступит просветление?

— Об этом многие мечтали.

— Вы хотите сказать, что одних разговоров тут мало?

— Да. Нужно что-то действенное.

— Яркое.

— Понятное.

— Например, распятие? — усмехнулся Юра.

— На две тысячи лет хватит.

— И то с перегибами.

— А потом всё застынет.

— И церковь снова будут использовать для зарабатывания денег.

— Наиболее ушлые.

Юра встал:

— Значит, надо уничтожить церковь.

Панаев и Скабичевский вытаращили на Юру глаза.

— В смысле?

— Целиком? Всю?

— Зачем? Одну, но главную. Храм Христа Спасителя.

— Это не оригинально, Юра. Его уже однажды взрывали.

— Тогда с Богом боролись. А теперь мы взорвём его во имя Бога! Для того, чтобы стать к нему ближе!

— В этом есть что-то японское, — задумчиво сказал Скабичевский.

Панаев встал, обнял Юру за плечи.

— Погоди, так ты теперь верующий?

— А разве это важно?

Скабичевский встал по другую руку Юры.

— Ну, хорошо, допустим. Допустим, это нам даже на руку. Но... как? У нас таких ресурсов нет.

— У нас есть, — раздался вдруг голос из-за деревьев.

Все обернулись и увидели Петю, выходящего из леса.

— Я о чём-то таком думал. Ждал этого от тебя. Пистон им в жопу, ох как надо вставить. Давно пора. Ты молодец, что это придумал. Молодец. Остальное мы уж как-нибудь сами.

— Старые связи, дядя Петь? — ухмыляясь, спросил Панаев.

— Они.

Панаев, Скабичевский и Петя уставились на Юру, который переводил взгляд с одного лица на другое в растерянности. Потом вдруг тяжело вздохнул и выдохнул:

— Ну, вот и хорошо...

По поляне между едоков скудного походного обеда прошёл Юра. Народ медленно провожал его глазами, потом вновь утыкался в свои миски. За Юрой шёл Петя. Он смотрел в спину Юры с улыбкой, с выражением: я в нём не ошибся. У одного из костров он увидел Ивана, поманил его за собой, у — другого Андрея, его поманил тоже. Все трое остановились у дерева на отшибе, Петя стал им рассказывать, на что только что решился Филиппов, а Юра прошёл дальше, дошёл до Марии, которая занималась мытьём посуды на раздаче, взял её за руку и повёл прочь из леса.

В это время Петя уже всё рассказал друзьям.

— Сильно, — сказал Иван.

— А он представляет себе последствия? — спросил Андрей.

— Кажется, не очень, — ответил Петя. — Но действовать надо быстро, пока он не передумал. Это наш шанс, ребята... Наконец-то. Вы понимаете, о чём я?

Андрей посмотрел на Петра со страхом, а Иван задумчиво протянул:

— Идеальный стрелочник...

Петя кивнул, подмигнув Ивану.

— Подождите! Перестаньте... постойте! — залопотал всерьёз напуганный Андрей. — Столько лет прошло... Хватит! В самом деле, должны же быть какие-то рамки!

— Вот именно, — внушительно ответил Петя. — У них не осталось никаких. Полная безнаказанность. Пора показать, что всё, на самом деле, зыбко. И мы никуда не делись. И всё помним!

— Но это же Храм! — вскричал Андрей.

— Тихо! — прошипел Иван.

— Вот видишь, Андрюша. На тебя это уже производит впечатление. А теперь представь, какое впечатление это произведёт на них.

— Н-нет, — замотал головой Андрей. — Нет! Нет! Я — верующий. Я не хочу! Я не буду!

— Тогда ты свободен.

Андрей отступил, посмотрел на решительные лица теперь уже бывших друзей.

— Тут как в кино, — сказал Иван. — Боливар не выдержит двоих.

Андрей сорвался с места и побежал прочь из леса. Петя и Ваня задумчиво смотрели вслед Андрею, а потом посмотрели друг на друга.

— Не донесёт, — сказал Ваня, будто отвечая на незаданный вопрос Пети.

— Но действовать надо быстро, — кивнув, согласился с ним Петя и достал мобильный телефон.

По коридору всё-того же PR-агентства Юра вёл за руку Марию так, что она еле поспевала за ним. Они пробежали по коридору, открыли одну из стандартных дверей, за ней оказалась та самая казённая комната Юры, они вошли, Юра закрыл за собой дверь.

В комнате Мария жалась к двери, Юра метался.

— Я заигрался, да?

— Это закономерно. Ты уже не можешь остановиться.

— Меня посадят.

— Возможно. Но ты останешься героем.

— А если я не готов?

— У тебя ещё есть время подготовиться. Но недолго. Я уверена, Петя всё сделает быстро.

— А если я откажусь?

— Разочаруешь людей.

— Кого?

Юра кинулся к столу, стал перебирать какие-то вещи.

— Бабушек, которые мне дарят мёд? Казаков с шашками? Лапти? Солёные огурцы? Медовуху? Тюбетейку? Я что, — Якубович?

— Они видят в тебе надежду.

— Да? А это? Настоящий римский кинжал времён Христа! Это намёк — на что?

Юра швырнул кинжал на стол и сел на пол в углу комнаты.

— Я какой-то стихийный Христос...

Мария усмехнулась, но промолчала, она поняла, что Юре надо выговориться.

— Я совершенно не собирался... А теперь они смотрят мне в рот и ждут... ждут..., что я — что? Добровольно на смерть пойду? Ради чего?

— Ради правды, Юра. Ради Христа. Ради Бога.

— Я в них не верю.

— Но ты и не атеист.

— Нет. Я, как все... надеюсь... И боюсь, что его там нет... В ком страха больше, тот поклонны бьёт. В ком меньше — живёт, как живётся.

— А если он всё-таки там?

— Тогда мне, как и всем, предстоит встреча с Богом. И я, удивлённый и обрадованный, мёртвый и живой, покаюсь в неверии. Если поздно не будет.

Юра улыбнулся. Мария улыбнулась ему в ответ:

— Ну, вот, бывший философ... сомнений у тебя больше и не осталось...

Юра вдруг задумчиво посмотрел на Марию.

— А у тебя? Ты... со мной... согласна?

— А я тебя люблю, — просто сказала Мария. — И для меня всё, что ты делаешь — правильно.

В своей квартире, обычной хрущёвке-двушке Андрей бухнулся на колени перед иконой, на которой была изображена темноликая богоматерь с младенцем. Заливаясь слезами, он жарко молился:

— Матушка пресвятая Богородица! Не допусти! Умоли Сына вразумить Юрочку неразумного, ибо не ведает, что творит. Сохрани нам Храм, довольно разрушений и взрывов! Сколько же можно подвергать испытаниям несчастный наш народ? Только почву под ногами почувствовали, во Христе соединились, сразу находятся те, кто хочет у нас из-под ног её выбить. И ведь вроде симпатичные хорошие люди! То, что он торговцев выгнал, — хорошо... Ну, ведь хорошо! Но твой-то Храма не разрушал!.. Но ведь хотел...

Андрей вдруг запнулся, задумался. Потом вопросительно посмотрел на икону. Потом вскочил, к книжному шкафу кинулся, вытащил Библию, стал лихорадочно листать, нашёл, зачитал:

— «И вышед Иисус шёл от храма. И приступили ученики Его, чтобы показать здание храма. Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено...»¹

Андрей обернулся на икону. Богоматерь смотрела с неё печально-покорно.

— Так это — Его воля?

Младенец на иконе молча благословлял двумя перстами.

Андрей вдруг нахмурился.

— Но я не хочу!

Мать и Сын с иконы не ответили.

— Ну, и хорошо!

Андрей отшвырнул Библию.

— В конце концов...

Андрей включил большой стационарный компьютер на столе.

— На Бога надейся, а сам не плошай.

Андрей вошёл в интернет, вышел на twitter.com¹ и написал: «Юра Филиппов собирается взорвать Храм Христа Спасителя». Андрей перекрестился и нажал «Enter». Запись опубликовалась. Андрей воровато оглянулся на икону. Богородица тихо скорбела над новорожденным младенцем с совсем не детским взглядом.

Ночью у наполовину построенной стены, отгораживающей Храм Христа Спасителя от Волхонки, наблюдалась странная возня. Стоял себе на часах у рамки металлоискателя охранник, да вдруг ойкнул, повалился на бок и затих. Рядом с ним оказался человек, затянутый в чёрное, почти как японский ниндзя. Человек сверкнул белками глаз и скрылся в темноте. Из бытовки у стены высунулся таджик-рабочий, зевая пошёл куда-то, но двое чёрных затолкали его обратно, зажав рот. Ещё двое таких же

¹ Мф: 24.1-2

чёрных, как сама ночь, устремились к храму. За их спинами болтались мешки, из одного мешка свешивались разноцветные провода. Поколдовав с замками ворот, чёрные проникли в храм, и туда по одному, с небольшими промежутками времени стали проникать люди из того же чёрного отряда.

В это время на крыше театра Эстрады сидел Андрей с большим биноклем и смотрел на этих чёрных людей, с короткими промежутками проникающих в Храм Христа Спасителя. Он был в ужасе. Похоже, он впервые понял, что ни Юра Филиппов, ни Петя с Ваней — не шутили.

В своём кабинете попивая чаёк, протоиерей Никулин сёрфил в интернете. На дворе была ночь, никто не мешал. И вдруг Никулин наткнулся на твит Андрея: «Юра Филиппов собирается взорвать Храм Христа Спасителя». Никулин с шумом поставил чашку на стол. Вскочил, прошёлся по кабинету. Потом кинулся к своему старинному телефону, снял трубку, начал крутить диск. Потом остановился, задумался. С досадой бросил трубку на рычаг. Подумав, он стал лихорадочно задирать подрясник и шарить в карманах штанов, вынул мобильник, стал искать кого-то в записной книжке мобильного. Но потом отказался и от этой идеи. Потом обернулся. Взглянул на икону, располагающуюся у него за спиной. Спаситель на ней был суров и недоволен. Протоиерей пожал плечами и виновато развёл руками, мол, что я могу? В следующую секунду он нажал кнопку на селекторе:

— Марфа Петровна! Закажите мне билет и соберите чемодан.

— Куда? — ответил сонный голос матушки-секретарши.

— В... Находку! — от фонаря бухнул поп. — Срочная командировка. Лекции читать позвали. А я и забыл совсем. Как можно скорее!

Никулин отпустил кнопку и стал собирать бумаги и книги.

Пустая бутылка из-под рома с пиратом на этикетке валялась на полу уютного, без пафоса обставленного кабинета. Сам Ибрагимов спал на диване в одежде, издавая громоподобный пьяный храп. Вдруг он, дёрнувшись, проснулся, почувствовав на себе чей-то взгляд:

— А? Что? Кто?

И в самом деле, на него в упор смотрел сидящий рядом с ним человек. Лицо нависло прямо над Ибрагимовым. Ибрагимов сел, смешно перебирая ногами, весь сжался в углу дивана, на котором он только что лежал.

— Вы кто? — спросил Ибрагимов, стараясь подавить страх. — Как вы сюда попали?

— Меня зовут Андрей, — сказал Андрей. — Кроме вас, я больше ни к кому не могу пойти. Не бойтесь.

Но от этих слов Ибрагимов почему-то стал бояться ещё больше: его затрясло.

Осенний рассвет был пасмурным. В каком-то сером промышленном районе старой Москвы, затянутые в осенние куртки тёмных цветов, шли Иван, Петя и Мария. Шли целеустремлённо, собранно.

— Его мать? — коротко, по-деловому спросила Мария.

— Спрятали, — так же ответил Иван.

— Он сам?

— Его привезут через сорок минут. К акции, — сказал Петя.

Они подошли к маленькому магазину с невзрачной вывеской «Продукты». Иван открыл полулежачие двери подсобки.

— После вас, — Иван сделал приглашающий жест, и Мария спустилась внутрь.

Через минуту вся целеустремлённая процессия шла по странному подвальному коридору.

— Где мы? — спросила Мария.

— Это бункер Сталина.

— Тот самый?

— Ты что же, думаешь, он у него в Москве был один?

Они вошли в зал, где было много людей за компьютерами, большие экраны с изображением Храма Христа Спасителя с разных точек: От Гоголевского бульвара, с Патриаршего моста, со стрелки острова, от Петра Первого. Посреди зала располагалась большая кнопка. Всё это напоминало центр управления полётами NASA, как их показывают в американском кино. Здесь же находился человек с дредами. Он сидел, развалившись в кресле, и дремал, сжимая в руке положенный на колени свой навороченный фотоаппарат. Мария осмотрела всю обстановку, подошла к кнопке.

— Осторожно! — предостерёг её Петя. — Это должен сделать он.

Мария кивнула и отодвинулась. А потом вдруг повернулась к Пете:

— Я смотрю, у тебя большой опыт.

— Когда-то взрывы были моей специализацией.

— За них тебя и уволили?

— Я уволился сам. Потому, что отказался взрывать.

Петя отошёл, показывая, что подробности он рассказывать не будет.

Ибрагимов вышел из своего кабинета и оказался в точно таком же коридоре, какие были в PR-агентстве. Он аккуратно закрыл за собой дверь, и, слегка покачиваясь, пошёл вперёд. Он вызвал лифт, к его удивлению, двери сразу открылись, лифт был на его этаже. Ибрагимов вошёл и нажал кнопку нужного этажа.

В лифте Ибрагимов провёл рукой по лбу, потом вдруг забеспокоился, нащупал в кармане и вытащил какую-то маленькую коробочку, бросил взгляд на камеру наблюдения, повернулся к ней спиной и что-то шумно вдохнул из коробочки носом.

В дверь казённой квартиры Филиппова стучали. Юра выкрикнул откуда-то: «Сейчас!» Но тот, кто был за дверью, либо не услышал, либо дело не терпело отлагательств. Стук повторился более настойчиво. Казалось, в дверь колотят уже кулаком. Юра выбежал из ванной голый, повязывая на бёдра полотенце. На его лице ещё были видны ошмётки пены для бритья. Он подошёл к двери, сказал недовольно:

— Ну, что? У меня ещё пятнадцать минут! Сказал же, сам выйду!

Юра повернул замок и рванул дверь. На пороге стоял взъерошенный похмельный Ибрагимов.

— Аарон Васильевич?

— Позволишь?

— Проходите... Правда, я немного тороплюсь...

Юра взял со спинки стула другое полотенце, стал стирать с лица пену. Ибрагимов прошёл и, закрывая за собой дверь, спросил:

— Куда? Взрывать храм?

Юра дёрнулся, удивлённо посмотрел на Ибрагимова. Тот, оценив этот взгляд, произнёс:

— Значит, правда...

— Аарон Васильевич... — хотел было начать оправдываться Юра, но Ибрагимов заслонился от него рукой.

— Не надо! Давай просто всё остановим.

— Уже слишком поздно, Аарон Васильевич.

— Пока Храм не взорван — нет. Юра, ты же философию изучал, и не марксистско-ленинскую, а нормальную... Ну, как ты не понимаешь, что сносить Храм — варварство?

— А строить — не варварство? В двадцать первом-то веке? Аарон Васильевич, ну, вы же сами от этого страдаете. В светском государстве церковь забирает всё больше власти. И делает это вовсе не для спасения душ!

— Не нам судить, Юра. Ты — философ, прозревший третьего дня, и я, советский атеист с такой смесью кровей, что... — Ибрагимов выдохнул. — Надо просто остановиться.

На захудалой набережной какого-то узкого ответвления Москвы-реки стоял одинокий Петя. Он смотрел на воду, на которой плавал разнообразный мусор и ждал, когда ему ответят по телефону. Наконец, ему, очевидно, ответили, потому, что Петя вдруг улыбнулся и сказал в трубку:

— Вова? Это Петя... Помнишь меня? Это хорошо. Значит, ты понимаешь, что это не шутка. У тебя есть десять минут, чтобы эвакуировать людей. Нам не нужны жертвы... Из Храма Христа Спасителя. Ты слышал.

Петя отключил телефон, разобрал его, вынул аккумулятор и сим-карту и всё это швырнул в реку. В следующую секунду Петя спокойным шагом ушёл в сторону переулков.

— Я не могу остановиться, — говорил Юра. — Я хочу донести до людей смысл. Я хочу, чтобы они верили в Бога, в Христа, в кого им хочется. Но не были язычниками, не поклонялись дому Бога больше чем самому Богу!

— Какое тебе до этого дело?

— Не было никакого, пока они ко мне не лезли. Но ведь они стали запрещать спектакли, вводить в школах закон божий, они лезут в светскую жизнь! И тащат нас в средневековье!

— Но если люди хотят жить в средневековье! Если у них нет другой опоры, кроме иконы и ладана, кто ты такой, чтобы лишать их этого?

— Я тот, кто показал им, что христианские священники на самом деле против Христа. А раз так, — Он против священников.

Петя вернулся в зал с большой кнопкой. Мария смотрела, как на экранах полиция выводит из Храма сторожей, каких-то бабушек, двух священников-боксёров, ко-

торые когда-то били Юру, автослесарей из мастерской, служащих автомойки, продавщиц...

— Быстро, — похвалила Петю Мария.

— Ещё бы! — Петя нервно посмотрел на часы. — Опаздывает.

— Юра, послушай, — Ибрагимов решил сделать ещё одну попытку. — Это всё неправильно. Этим ты добьёшься противоположного эффекта. Люди сплотятся вокруг общей беды.

— А я объясню им, что потеря Храма — не беда, а благо.

— Не успеешь. Тебя посадят, тебя растерзают. Ты что, не знаешь, где мы живём?

— Тем лучше, стану мучеником. Ко мне прислушаются.

В ванной зазвонил мобильный телефон. Юра сделал движение пойти туда, но Ибрагимов удержал его, схватив за плечи.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы люди были свободны.

— Но они этого не хотят! Они не понимают свободу так, как ты.

— Вы не видели их глаз, когда они меня слушают. Они могут, они готовы!

Мария сбросила звонок.

— Он не отвечает. Мы можем перенести это на завтра?

— Нет, — Петя подал ей iPad. — Пошла волна.

Мария взяла устройство, увидела сообщение у кого-то в блоге: «Ходят слухи, что Храм Христа Спасителя взорвут сегодня на рассвете». И комментарии:

— Кто? Антицерковные силы?

— Или сами попы, чтобы потом «завинтить гайки»?

— Ребята, но ведь это ужасно. По-настоящему ужасно.

— Его однажды уже взрывали.

— Место проклято.

— Я вас предупреждал! Акция спланирована! Кто-то хочет взорвать Храм и поставить на его месте торговый комплекс!

— Этот Храм и так уже торговый комплекс.

Мария оторвалась от iPada.

— Откуда?

Петя и Ваня переглянулись.

— Это я во всём виноват... Не надо было мне начинать... — Ибрагимов уже плакал пьяными слезами, сидя на стуле у стола.

— Послушайте, я не имею ничего против этого Храма. Но эта акция имеет символическое значение. Она освободит людей.

Ибрагимов блуждал по комнате глазами. Юра пошёл к ванной. Ибрагимов глядя на его широкую спину, правильно сужающуюся к талии, вдруг убеждённо произнёс:

— Я тебя не пущу.

Юра остановился, обернулся, посмотрел на Ибрагимова с интересом. В ванной снова начал звонить телефон, но ни Ибрагимов, ни Филиппов никак не отреагировали на это.

Мария, держа трубку у уха, во все глаза смотрела на экраны, она видела, как у недостроенной прихрамовой стены собирается народ. Здесь были священники, зеваки, верующие и злорадствующие. Отдельной группой от Гоголевского бульвара подошли люди в длинных плащах и масках Гая Фокса. Они спокойно остановились поодаль, к оцеплению не подошли и, замерев в неподвижности, стали смотреть сквозь прорези масок на Храм в ожидании, когда же он взорвётся?

— Куда же он делся? — Мария отняла трубку от уха.

— Он испугался, — предположил Иван.

— Этого не может быть, — убеждённо сказала Мария.

— Я позвоню племяшу, — сказал Петя, набирая номер. — Он его в машине ждёт. Алло? Алло, Саш? Чего он там? Поднимись, ага!

Юра проговорил миролюбиво:

— Аарон Васильевич, вы прекрасно понимаете, что вам меня не задержать. Силы не равны.

Ибрагимов взял со стола римский кинжал, вытащил его из ножен:

— А так?

Юра усмехнулся.

— Вы это серьёзно?

— Абсолютно. Если нет другого способа, я готов и на это.

— Неужели?

Юра стал подходить к Ибрагимову.

— Это тщеславие, Аарон Васильевич. Теперь вам хочется стать мучеником.

— Не подходи, Юра! Пока не поздно! Откажись от этого!

— Вы хотите убить Юру-Христа, чтобы спасти Храм?

Ибрагимов кивнул. Он смотрел куда-то вниз, у него перед глазами плыло.

— Это всего-навсего здание. Новодел. К тому же неталантливый.

— Ну, об этом не тебе судить...

— А есть люди, которые верят, которые считают, что там живёт Бог. Что эта уродливая махина — дом молитвы! А это давно не так! Он давно осквернён! Осквернён жадными, глупыми, никого, кроме себя, не любящими попами!

Юра уже подошёл вплотную к Ибрагимову, внушительно глядя ему в глаза. Ибрагимов сжимал в руке кинжал.

— И взорвать его — единственный способ очиститься от скверны!

— Ты говоришь... как они... — Ибрагимов был потрясён.

— Отдайте нож, — Юра протянул руку.

— Юра, не надо. Ты ничем не лучше...

— Вам надо отдохнуть... Отдайте нож и уходите. Я никому не скажу, что мы знакомы.

— Я не могу... Я не позволю...

— Это теперь уже вас не касается. Арон Васильевич... просто отдайте...

Юра прикоснулся к кинжалу в руке Ибрагимова, тот вдруг дёрнулся, крикнул:

— Ты не смеешь... Нельзя! — Ибрагимов всадил римский кинжал в Юрин живот по самую рукоятку. — Это Храм! Пойми!

Юра удивился. Ибрагимов вскрикнул, его брови полезли наверх, а глаза не отрываясь смотрели на красную струю, потёкшую по полотенцу на Юриных бёдрах. Рука Ибрагимова, всё ещё держащая нож, тоже оказалась залита Юриной кровью. Когда он это обнаружил, руку он отдернул, попытался вытереть её об штаны, но только перепачкался. Юра в каком-то странном танце, с весёлым шлёпаньем босых ступней по полу переступил ногами, Ибрагимов поднял на него глаза и с удивлением обнаружил, что Юра улыбается всей глубиной своих светло-голубых глаз. Ибрагимов всмотрелся в его лицо, а Юра вдруг всхлипнул, стал серьёзным и бледным, сказал: «Мама...», а потом как-то резко, как будто его выключили, обрушился на пол, закрыл глаза и умер.

Ибрагимов издал нечто среднее между визгом и рыком, весь скрючился, но потом вдруг успокоился, выдохнул, выпрямился и сел на стул, без каких-либо эмоций глядя на раскинувшееся на полу красивое тело Юры, прикрытое лишь на бёдрах коротким окровавленным полотенцем.

У Храма Христа Спасителя было выставлено оцепление, но люди, которые начали очень быстро прибывать к Храму, как только их число раза в три превысило количество полицейских, стали вдруг пытаться прорвать оцепление. Полиция и ОМОН с трудом сдерживали натиск, а на плакатах можно было прочесть: «Взрывайте вместе со мной!», «Дикари! Варвары!», «Вы хуже Нерона и Ленина!» Здесь были женщина-судья с мужем-священником, здесь был старик, не пожелавший снять крестик у металлоискателя. Стояли священники, верующие. Чуть на отшибе стоял Андрей, заметно нервничая. Спокойны были только Гаи Фоксы, но на них никто и не обращал внимания.

По коридору в PR-агентстве шёл Панаев и напевал себе под нос дурацкую песенку на известный революционный мотив:

— Мы баскские сепаратисты,
И про нас
Плохие журналисты
Не ведут рассказ...

Панаев открыл дверь Юриной комнаты и остолбенел на пороге: на стуле сидел Ибрагимов, перепачканный кровью, а на полу лежал мёртвый Юра Филиппов с торчащим из живота древним кинжалом. Ибрагимов поднял пустой взгляд на Панаева. Панаев слегка улыбнулся уголками губ, а через секунду в комнату вошли четверо полицейских, подвинув Панаева. Панаев нахмурился, вопросительно посмотрел на Ибрагимова, тот вяло показал мобильный телефон в окровавленной руке. Панаев закрыл дверь, оставив Ибрагимова, полицейских и труп Филиппова в комнате. Он пошёл из коридора прочь, набирая номер на телефоне.

Мария смотрела на экраны и видела, как полицейским всё труднее и труднее сдерживать натиск толпы. С каждой секундой росла опасность, что оцепление сейчас прорвётся, и люди ринутся к заминированному храму.

— Нам не нужны жертвы! — крикнула Мария. — Где Юра?
Петя отнял трубку от уха, он глядел на Марию ошарашено и угрюмо.
— Что? — не поняла она. — Что случилось?
— Юра убит.

В зале повисла зловещая пауза. Мария потрясённо смотрела на Петю, потом обвела взглядом всех, глядящих на неё в тревожном ожидании... Растерянность длилась несколько секунд, после чего Мария развернулась и с размаху («Маша, не надо!» — успел только крикнуть Иван) опустила кулак на кнопку.

Храм взорвался сразу на трёх экранах.

Храм Христа Спасителя взлетел на воздух на глазах потрясённых людей, к счастью, не успевших прорвать оцепление. Андрей расширившимися от ужаса глазами проводил улетающую в небо одну из золотых маковок с крестом.

Зеваки и студенты наблюдали взрыв Храма с Воробьёвых гор. Здесь же, не сговариваясь, осенили себя крестными знаменами многочисленные затянутые в кожу байкеры.

На Большом Каменном мосту остановились машины, люди повыскакивали из них. Опершись о перила спиной к Кремлю, они видели, как обваливался в реку горящий с одного конца Патриарший мост. Завыли сирены, по набережной, объезжая препятствия с нарушением всех правил, покатали громоздкие красные машины.

Храм пылал пожаром на всех трёх экранах в большом зале в бункере Сталина, но никто не обращал на них никакого внимания. Мария рыдала на полу, её держал в объятиях Петя, пытаясь успокоить. Человек с дредами ничего не снимал, но, похоже, расстроен по этому поводу он не был.

Люди, пришедшие защитить свой храм, замерли. Полицейские, ещё недавно составлявшие плотные кольца оцепления, теперь тоже повернулись лицом к Храму, спиной к толпе. Люди в длинных плащах сняли маски. Теперь они открытыми лицами без эмоций смотрели на взорванный Храм, будто желая получше запомнить эту великую минуту. Похожим жестом снял вдруг шлем и один из ОМОНовцев. При этом оказалось, что он очень-очень молод. Глядя совсем детскими, светлыми глазами на куб пламени, в который превратился Храм Христа, он размашисто перекрестился, что-то шепча губами... Кто-то тихо плакал, как, например, женщина-судья и Андрей, бабки голосили, как по покойнику, а кто-то задумчиво, как например, старик с крестиком, смотрел на огонь.

На огонь смотрели Панаев и Скабичевский, расположившись на балконе дома Пашкова.

— В прошлый раз его тоже распяли превентивно. Но Храм всё равно разрушили.

— Тоже, — уточнил Панаев.

— Да, — согласился Скабичевский, — Ничего нового...

Помолчали.

— Красиво, — сказал Панаев.

Скабичевский пожал плечами:

— Пожалуй.

Скабичевский заговорил ещё через две секунды созерцания:

— И всё-таки интересно. Разрушение Храма — это беда или благо?

— Ох, — вздохнул Панаев, — опять эти ваши еврейские штучки!..

Панаев стал спускаться с балкона, но вдруг остановился, увидев, что Скабичевский всё ещё стоит и смотрит на пожар.

— Вань!

Скабичевский обернулся.

— Пойдём! У нас запись на первом.

Скабичевский спохватился и пошёл вслед за Панаевым, ещё раз, прежде, чем спуститься, с явным удовольствием взглянув на горящий Храм Христа Спасителя.

Голова Юры Филиппова смотрела на зрителя ясными, полными осознания собственной правоты, голубыми глазами. Его волосы слегка колыхались под лёгким освежающим ветерком, а за затылком Юры до горизонта плескался Байкал и голубело высокое небо. Юра говорил напрямую зрителю:

— Разве стала вера менее крепка? Разве она может жить только в Храме? Или она всё же живёт в сердце? Верите ли вы в Бога, любите ли вы Христа по-настоящему? Или вы просто позволяете мошенникам в рясах, лицемерным фарисеям наживаться на вашей вере, вопя о каких-то оскорблённых чувствах? Не бойтесь никого. Не бойтесь тех, кто говорит, что вне церкви нет спасения. Не бойтесь тех, кто пугает вас расплатой в загробном мире. Расплаты нет. Есть только награда и утешение... А если вам нужно помолиться, — это можно сделать где угодно. Дом молитвы — это весь мир.

Этот ролик на YouTube набрал два миллиона просмотров. И ещё больше комментариев, обращённых авторами, скорее, к самим себе, чем к кому бы то ни было ещё. Поэтому никто этих комментариев толком и не читал. Ну и мы не будем.

КОНЕЦ